

Московский государственный университет
Филологический факультет
Отделение теоретической и прикладной лингвистики

Морфология и синтаксис русских деепричастий: стандартные и нестандартные употребления

Дипломная работа
студентки V курса В. Ковальской

Научный руководитель:
чл.-корр. РАН, проф. В. А. Плунгян

Москва 2010

Оглавление

0. Введение.....	3
0.1. Предмет исследования.....	3
0.2. История изучения категории деепричастия.....	5
0.3. Исследовательская задача.....	6
0.4. Структура работы.....	6
I. Морфология деепричастий.....	7
1. Морфологический стандарт деепричастий.....	7
1.1. Образования деепричастий от основ глаголов несовершенного вида.....	7
1.2. Образования деепричастий от основ глаголов совершенного вида.....	8
1.3. Глаголы, не образующие деепричастия или образующие их редко.....	8
1.4. Обобщение: таблица образования стандартных деепричастий.....	9
2. Отклонения от морфологического стандарта.....	10
2.1. Деепричастные формы на <i>-вши</i> от глаголов совершенного вида без <i>-ся</i>	12
2.2. Деепричастные формы на <i>-ши</i> и <i>-в</i> от глаголов с совершенного вида с основой на <i>-ну</i>	14
2.3. Деепричастные формы от глаголов несовершенного вида на <i>-в</i> и <i>-вши(сь)</i>	19
2.4. Деепричастные формы на <i>-миши(сь)</i>	23
2.5. Деепричастные формы от глаголов несовершенного вида на <i>-учи(сь)/-ючи(сь)</i>	25
3. Обобщение: граф отклонений от морфологического стандарта.....	30
II. Синтаксис деепричастий.....	33
1. Синтаксический стандарт деепричастий.....	33
1.1. Кореферентность.....	34
1.2. Сочетаемость, синтаксическая функция в предложении, таксис.....	41
1.3. Обобщение синтаксического стандарта.....	46
2. Отклонения от синтаксического стандарта.....	48
2.1. Кореферентность при пассивном залоге в доминирующей клаузе.....	49
2.2. Кореферентность неканоническому субъекту.....	51
2.4. Обобщение: нестандартные субъекты.....	54
III Категориальный статус и лексическая семантика деепричастий.....	56
1. Стандарт: категориальный статус деепричастий.....	56
1.1. Деепричастие как пограничная категория.....	56
1.2. Деепричастие как часть глагольной парадигмы.....	58
1.3. Обобщение: категориальный и лексико-семантический стандарт.....	58
2. Отклонения от стандарта на лексико-семантическом и категориальном уровнях.....	59
2.1. Высокая степень связи с глагольной лексемой-родителем.....	60
2.2. Средняя степень связи с глагольной лексемой-родителем.....	63
2.3. Низкая степень связи с глагольной лексемой-родителем.....	65
3. Обобщение: корреляция отклонений на различных уровнях.....	66
IV Заключение.....	69
Библиография.....	73

0. Введение

0.1. Предмет исследования

Настоящая работа посвящена исследованию деепричастий в русском языке. В поле нашего внимания попадет категория деепричастия и ее свойства на различных языковых уровнях, в первую очередь, на уровне морфологии и синтаксиса.

На материале деепричастий русского языка наблюдаются, например, следующие явления и употребления:

- (1) функционирование целого ряда вариантных форм *читая, читав, читавши, читамши*;
- (2) Всё это, честно **говоря**, ему не нравилось. [С. Кулябин. Он и она // Труд, 1989];
- (3) Романтической игрой представала гражданская война, где «красные» **шутя** побеждают «белых»... [Мария Чегодаева. Соцреализм: Мифы и реальность (2003)]

Поскольку на настоящий момент не существует единого и исчерпывающего описания категории деепричастия в русском языке, многие наблюдаемые в русском языке явления, связанные с употреблением деепричастий, не имеют полного и достаточного объяснения. Так, в связи с (1) возникают следующие вопросы:

каковы морфологические свойства деепричастий;

каков статус каждой из приведенных вариантных форм;

все ли они являются нормальными и стандартными образованиями;

в каком соотношении находятся все эти формы;

чем можно объяснить наличие четырех вариантных образований от одной глагольной лексемы *читать*?

В связи с предложением (2), где не соблюдено (в первом приближении безусловное) требование кореферентности субъектов действий, выраженных в деепричастии и в глагольной форме, которую оно определяет, возникает вопрос о том,

каковы синтаксические свойства деепричастий;

является ли (2) нормальной и стандартной синтаксической структурой при условии, что отсутствует кореферентность;

каковы свойства субъектов, в отношении которых существует требование кореферентности?

В предложении (3) наблюдается употребление деепричастного образования *шутя* с собственным лексическим значением ‘без труда’ (ср. толкование в [Ушаков 1935¹]). Данное лексическое значение не тождественно значению глагольной лексемы, от которой образовано деепричастие. Кроме того, в толковых и грамматических словарях (например, [там же; Зализняк 1977]) деепричастной форме *шутя* сопоставлены отдельные входы; *шутя* имеет статус наречной лексемы. В связи с этими обстоятельствами правомерны вопросы:

каковы лексико-семантические свойства деепричастий;

каковы категориальные свойства деепричастий;

какие именно деепричастия имеют статус лексемы и почему не всем деепричастиям сопоставлены отдельные словарные входы.

В связи с возникновением подобных вопросов возникает необходимость подробного и систематического описания категории деепричастия. Интуитивно ясно, что не все рассмотренные в (1) – (3) и остальные наблюдаемые в русском языке употребления деепричастий в равной степени нормальны и стандартны; это обстоятельство нашло отражение в приведенных выше вопросах. Для описания категории деепричастия будет необходимо выбрать определенную модель, в которой стандартные и нестандартные употребления будут четко разграничены. При описании языковых категорий в грамматиках для подобного разграничения обычно вводится понятие и модель нормы; таким образом, всякое употребление в соотношении с описанием грамматики является либо нормативным, либо нет.

В нашей работе для анализа явлений, связанных с деепричастиями, выбрана модель противопоставления стандартного нестандартному, или модель стандарта и отклонений. Такое решение принимается, в первую очередь, потому, что традиционно норма ориентирована на современный литературный язык. Мы же в настоящей работе намерены исследовать явления более широкого круга. Кроме того, нормативное описание деепричастий (хотя недостаточно систематичное и исчерпывающее) уже существует: оно представлено в «Русской грамматике» под редакцией Н. Ю. Шведовой – последней академической грамматике 1980 года ([Грамматика-80]).

По указанным причинам в настоящей работе мы будем использовать термин **норма**, имея в виду ту норму, которая описана в указанном источнике.

¹ Здесь и ниже: страница не указана, поскольку была использована электронная версия словаря

Рабочим термином в нашем исследовании станет **стандарт** – понятие, которое будет подробно описано несколько позже.

Итак, предметом нашего исследования являются стандартные свойства деепричастия на различных языковых уровнях и случаи утраты или нарушения данных свойств; только что мы рассмотрели основные вопросы, которые будут затронуты в нашем исследовании. Основное внимание будет уделено изучению деепричастий на морфологическом и синтаксическом уровнях, также будут затронуты лексико-семантический и категориальный уровни.

В подтверждение остроты поднимаемой проблемы приведем цитату из недавно изданной статьи Е.Добрушиной ([Е.Добрушина 2009: 15]): «Грамматические особенности русских деепричастий, по-видимому, не так уж часто попадают в поле зрения современной русистики: грамматики последних лет сообщают о них примерно те же краткие сведения, что и классические грамматики.

0.2. История изучения категории деепричастия

Вопросы, связанные с категорией деепричастия, в той или иной степени затрагивались практически во всех классических грамматиках русского языка: деепричастная норма отражена в «Российской грамматике М. В. Ломоносова» (1755), в «Практической грамматике русского языка» Н. И. Греча (1827), в «Сокращенной русской грамматике» А. Х. Востокова (1852); также в работах XX века: «Русский язык» В. В. Виноградова (1947), «Грамматика русского языка» под его же редакцией (1960), «Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким» А. В. Исаченко (1954), уже упоминавшаяся «Русская грамматика» под редакцией Н. Ю. Шведовой (1980).

Вопросом изучения деепричастной нормы в настоящий момент занимается О.С.Биккулова; попытка систематизации нормы для категории деепричастия в современном русском языке предпринята в [Чупашева 2008].

Выражением наиболее важных подходов к проблеме описания деепричастий нам кажутся: работа [Исаченко 1954/2003], содержащая подробное описание деепричастий, в основном, в морфологическом плане, но содержащая важные наблюдения по поводу перехода деепричастий в другие части речи; академическая грамматика [Грамматика-80], дающая подробный обзор правил образования деепричастий; монография [Абдулхакова 2007], представляющая собой исследование деепричастий с диахронической точки зрения; статья [Е.Добрушина 2009], где представлен анализ употребления морфологически не-

стандартных деепричастий на материале статистик Национального корпуса русского языка. Последняя работа особенно тесно связана с проблемой, представляющей для нас первостепенный интерес, так как направлена на изучение **нестандартных** деепричастий.

0.3. Исследовательская задача

Задачей данного исследования является:

- i. описать стандартные свойства русских деепричастий на различных языковых уровнях и представить стандарт в виде единой системы;
- ii. проиллюстрировать все возможные отклонения от стандарта на материале данных Национального корпуса русского языка;
- iii. составить классификацию отклонений от стандарта на различных языковых уровнях;
- iv. предложить объяснение наличия отклонения от стандарта на различных языковых уровнях;
- v. выявить корреляции между отклонениями от стандарта на различных языковых уровнях.

В самом общем виде задачей в настоящей работе является систематизация и подробное описание стандартных свойств деепричастия на различных языковых уровнях и проведение границы между стандартным и отклонениями от него.

0.4. Структура работы

Содержательная часть работы состоит из четырех глав: методология и терминология, где обсуждается модель настоящего исследования и дается определение принципиально важных терминологических концептов; морфология деепричастий, где описаны стандартные свойства деепричастий на морфологическом уровне и отклонения от них; синтаксис деепричастий – синтаксический стандарт и отклонения от него; лексическая семантика и категориальный статус деепричастий с аналогичной локальной структурой: стандартные свойства и отклонения от них.

Также работа содержит вводную часть и заключение, оглавление и библиографию.

II. Морфология деепричастий

Итак, мы переходим к одной из центральных частей нашего исследования: в настоящей главе нам предстоит изучить морфологические свойства деепричастий.

В первом разделе настоящей главы мы определим стандарт деепричастий, а во втором – рассмотрим отклонения от него.

1. Морфологический стандарт деепричастий

Теперь нам предстоит определить стандартные морфологические свойства деепричастий, то есть представить единую систему правил образования деепричастий в русском языке.

Прежде всего, отметим, что всякое деепричастие с морфологической точки зрения представляет собой образование от определенной глагольной основы путем присоединения к ней определенного суффикса. Фактически, наша задача здесь сводится к тому, чтобы определить сочетаемость двух данных компонентов деепричастия – основы и суффикса.

Отметим особенно, что нам будет важно пройти путь образования деепричастия именно от глагольной основы к деепричастию, проследив условия присоединения того или иного суффикса (в работе [Исаченко 1954/2003] – частично – и в [Грамматика-60], однако, деепричастия расклассифицированы на основании присоединяемого суффикса), поскольку такой подход создает впоследствии большее удобство для обнаружения отклонений.

1.1. Образование деепричастий от основ глаголов несовершенного вида

Итак, все стандартные деепричастия от глаголов несовершенного вида, кроме глагола *быть* (см. ниже), образуются путем присоединения суффикса *-а/-я* (фонематически |a|) к основе настоящего времени: *кляня, рисуя, играя*.

Здесь стоит выделить группу глаголов класса VIII², образующих деепричастие от особой основы, которая также является образующей для формы императива: *давая, вставая*. Мы имеем в виду эту особенность, однако в нашей таблице не будет заведено отдельной строки для данного типа.

² Здесь и ниже при упоминании классов, если не указано иначе: согласно классификации глаголов по [Грамматика-80].

Глагол *быть* образует деепричастие с суффиксом *-учи* от основы настоящего (/будущего) времени (в отношении основы глагол *быть* не отличается от прочих глаголов несовершенного вида)³.

1.2. Образования деепричастий от основ глаголов совершенного вида

Стандартные деепричастия от глаголов совершенного вида образуются следующим образом: к основам прошедшего времени с исходом на гласную присоединяется суффикс *-в* в случае отсутствия постфикса *-ся*⁴: *разыграв, толкнув, покрасив*, или суффикс *-вши* в случае его наличия: *разыгравшись, толкнувшись, покрасившись*. К основам прошедшего времени с исходом на согласную присоединяется суффикс *-ши* вне зависимости от наличия постфикса *-ся*: *испекши, заперши, испекшись, запершись*.

Здесь необходимо сделать одно уточнение: среди глаголов совершенного вида, имеющих *-ти*⁵ в инфинитиве, есть те, для которых стандартное деепричастие образуется не от той основы прошедшего времени, которая наблюдается на синхронном уровне. Например, глагол *смести* образует стандартную форму *сметши*, хотя основой прошедшего времени в современном языке является *сме-*. На синхронном уровне основа, используемая для образования стандартного деепричастия совпадает с основой будущего времени: *смет-*. Тем не менее, есть некоторые основания считать образования подобрных деепричастий стандартным, поскольку диахронически основой прошедшего времени данного глагола является именно *смет-*.

1.3. Глаголы, не образующие деепричастия или образующие их редко

Здесь же отметим, что существует ряд глагольных основ, по различным причинам не образующих **стандартные** деепричастия или образующих их редко. К таковым относятся: 1) глаголы несовершенного вида с основой настоящего времени на *|к|* и *|г|*: [?]*толча*, [?]*бережа*, ^{*}*стригя*⁶/^{*}*стрижа* и глаголы класса V на шипящую или сочетание «губная + *|л'|*»: [?]*пляша*, [?]*бреша*, ^{*}*сыпля*; 2) глаголы *есть* и *пить*: [?]*едя*, [?]*пья*; 3) глаголы класса III и IV

³ Форма *быв* не является стандартной, поскольку образована от основы прошедшего времени. Подробно об этой форме см. 2.3.3.

⁴ В морфологии нет единого мнения на счет морфемного статуса элемента *-ся* и используемого термина для его обозначения. Мы употребляем принятый в школьной и академической традициях термин *постфикс*.

⁵ Эти глаголы соответствуют типу 7 с пометой ⁹ в [Зализняк 1977], см. описание деепричастий [там же : 115-116]

⁶ По запросу «стригя» в Национальном корпусе русского языка находится единственное употребление: «...И не жгя глаголом сердца. А лишь стригя волосы и пека эпитагмы. Весь этот пассаж — дань признательности А.Югову, заступившемуся в том же «Нашем современнике» за деепричастия, забытые Богом и людьми...» [Юлий Даниэль. Письма из заключения (1966-1970)]. Совершенно случайно это предложение отражает остроту проблемы, исследуемой в нашей работе.

на *-нуть* (*виснуть, льнуть*); 4) глаголы с неслоговой основой настоящего времени⁷: **бдя, *вря, *лгя*; 5) разрозненные глаголы *бежать, лезть, стыть*.

Далее мы не будем заниматься исследованием вопроса ограничения основ на образовании деепричастий и редко образуемых деепричастий, однако будем учитывать существование тех и других.

1.4. Обобщение: таблица образования стандартных деепричастий

В приведенной ниже таблице для отражения только что описанных правил приняты следующие формулировки и обозначения: несовершенный и совершенный виды глагола обозначены как НСВ и СВ соответственно; для типа основы выбраны сокращения «наст. вр», «прош. вр.»; наличие постфикса *-ся* формализовано в виде упорядоченной пары, где первый член «*-ся*» обозначает название признака – наличие *-ся*, а второй – значение признака из множества {*с, без, Ø*}, то есть наличие постфикса, его отсутствие или невозможность его присутствия (глагола **быться* не существует).

В поле таблицы знаком «+» обозначены ячейки, содержащие стандартные образования.

Вид глагола	Тип формообразующей основы	Основа глагола	Наличие <i>-ся</i>	Присоединяемый суффикс				
				<i>-а/-я</i>	<i>-в</i>	<i>-вши</i>	<i>-ши</i>	<i>-учи/-ючи</i>
НСВ	наст. вр.	<i>буд-</i>	< <i>-ся, Ø</i> >					+
		все, кроме <i>буд-</i>	< <i>-ся, без</i> >, < <i>-ся, с</i> >	+				
СВ	прош. вр.	с исходом на гласную	< <i>-ся, без</i> >		+			
			< <i>-ся, с</i> >			+		
		с исходом на согласную	< <i>-ся, без</i> >, < <i>-ся, с</i> >					+

Таблица 1: образование деепричастных форм

Итак, в нашей таблице есть пять ячеек, отражающих стандартные образования. Поскольку мы видим, что в каждой строчке и в каждом столбце находится ровно один знак «+», мы можем утверждать, что для стандартного деепричастия существует ровно один вариант основы и ровно один вариант суффикса⁸. Таким образом, мы можем говорить о

⁷ К этому классу относится глагол *зреть*, от которого, хоть и не на синхронном уровне, но образуется деепричастие *зря*, функционирующее в современном языке как отдельная лексема.

⁸ Продолжая математическую метафору, можно говорить, что *слагаемые*, из которых образуется всякое стандартное деепричастие, однозначно задаются нашей таблицей.

пяти стандартных моделях образования деепричастий. Такое обобщение окажется важным для нас, когда мы будем составлять классификацию морфологических отклонений от стандарта.

Таким образом, морфологическими свойствами деепричастий являются:

- а) Для образованных от глаголов несовершенного вида: оканчиваться на *-а/-я*.
- б) Для глагола быть – образовывать форму *будучи*.
- в) Для образованных от глаголов совершенного вида: оканчиваться на *-в/-вши/-ши* в зависимости от исхода основы и наличия *-ся*.

2. Отклонения от морфологического стандарта

Итак, мы рассмотрели правила образования деепричастий от глагольной основы и представили соответствующий морфологический стандарт в виде таблицы. В данном разделе для нас будут представлять интерес деепричастия, которые не образованы по рассмотренным правилам и которым, соответственно, не может быть поставлена в соответствие ни одна из ячеек нашей «стандартной» таблицы⁹. Про такие деепричастия мы будем говорить, что они отклоняются от морфологического стандарта, или утрачивают стандартное морфологическое свойство.

Ниже мы отдельно рассмотрим классы морфологических отклонений. Группы деепричастных форм, которым будут соответствовать подразделы данного раздела, сформированы на основании отклонений, описанных в работах [Исаченко 1954/2003], [Грамматика-80] и [Е.Добрушина 2009]¹⁰. Точнее, подразделы представляют собой разбиение множества нестандартных деепричастных форм согласно виду формообразующего глагола и типу его основы. Это верно для всех наших подразделов, кроме одного: 2.4. отличается от прочих тем, что сформирован **только** на основании суффикса *-миш*. Такое решение принято, во-первых, поскольку данный суффикс образует формы и от основ несовершенного

⁹ Под «стандартной» таблицей понимается совокупность ячеек, содержащих знак «+» и отражающих стандартные образования.

¹⁰ Последняя из данных работ окажется для нас особенно важной, поскольку представляет собой подробное исследование деепричастных форм с различными морфологическими свойствами на материале Национального корпуса русского языка (далее Корпус). Особое внимание в нашей работе уделяется случаям, не вошедшим в статью «*Видев и увидя: жизнь и смерть нестандартных деепричастий*».

и совершенного видов, во-вторых, поскольку не описан ни в одном из известных нам источников и мы здесь были свободны в проведении границ данного подраздела.

Перед тем как перейти непосредственно к рассмотрению морфологических отклонений, сделаем одно замечание: в указанных работах часто отмечается стилистическая маркированность и разговорный или просторечный характер деепричастий с отклонениями, а сами формы часто называются соответствующими вариантами стандартных. Это, во-первых, формы на *-в* и *-вши*, образующиеся от основ несовершенного вида и функционирующие преимущественно с отрицанием (согласно [Грамматика-80], в работе [Е.Добрушина 2009] представлена другая точка зрения, см. [там же : 19]): *(не) быв* и *(не) бывши*, *(не) знав* и *(не) знавши*; во-вторых, формы на *-вши*, образующиеся от основ глаголов совершенного вида на гласную: *нарисовавши*, *толкнувши*, в-третьих, формы на *-учи* от глаголов несовершенного вида (кроме глагола *быть* – см. об этом подраздел 1.1). Про вторую из этих трех групп случаев мы попытаемся выяснить, каково их функционирование в современном языке¹¹, поскольку, основываясь на интроспекции, можно констатировать особенно низкую частотность подобных деепричастий. Кроме того, к описанным выше вариантам деепричастных форм, образованных от основ несовершенного и совершенного вида, мы относим формы на *-миши(сь)* (*емиши*, *вытимиши*, *нагулямишись*), которые не имеют описания в известных нам работах по данной проблематике.

Для прочих групп данные приводятся без четкого разделения на временные периоды, поскольку главной задачей на данный момент для нас является показать общую картину отклонений от стандарта в русском языке; исключением здесь является случаи (1), для которых проводится анализ данных по временным периодам, поскольку статус таких деепричастных форм в современном языке кажется скорее архаичным. Собственно группами, о которых мы говорим, являются описанные как варианты¹² в [Грамматика-80], функционирующие наравне со стандартными, а именно: (1) формы от глаголов с основой на *-ну*, в основе прошедшего времени которых отсутствует *-ну-* (*исчезнув/исчезши/исчезнувши*), (2) многие глаголы совершенного вида II спряжения (*заметя/заметив/заметивши*), (3) и I спряжения VI и VII классов с основой настоящего времени на согласную (*принеся/принесши*), (4) 4 глагола класса VI (*умерши/умерев, заперши/заперев, растерши/растерев, простерши/простерев*).

¹¹ Точнее, в определенный период, границы которого будут указаны ниже.

¹² Следует различать стилистически маркированные и немаркированные варианты. Здесь речь идет о последних.

Теперь мы переходим к рассмотрению конкретных случаев морфологических отклонений: мы рассмотрим классы нестандартных деепричастий, известных нам на настоящий момент. Как отмечалось выше, для двух классов проведено подробное корпусное исследование: полученные результаты будут приведены в таблицах. В конце каждого подраздела указывается классовый статус рассмотренных деепричастий, а в конце данной главы на основании выделенных классов будет предложена классификация морфологических отклонений.

2.1. Деепричастные формы на *-вши* от глаголов совершенного вида без *-ся*

Для анализа употреблений деепричастий данного класса был выбран список из 5 словоформ, который затем был исследован на материале Корпуса. В данном подразделе приводятся количественные данные, собранные по Корпусу, притом с соблюдением времени, к которому относится употребление.

2.1.1. Деепричастие *увидевши* имеет 153 вхождения, из которых 6 датированы 1997¹³ годом и позже, например, (6), (7). Остальные 148 вхождений относятся к периоду с 1766 до 1976 год – см. примеры (4,5).

(4) **Увидевши** ее, пришел он в великое замешательство мыслей, сделался неподвижен и, словом, окаменел. [М. Д. Чулков. Пересмешник, или Славенские сказки (1766-1768)]

(5) Господи! .. — ужаснулась продавщица, **увидевши** Жеку. — Под какой же ты ливень попал? ! [Эдуард Шим. Ребята с нашего двора (1976)]

(6) Губы жирные, глаза бессмысленные. **Увидевши** женщину, не пошевелился. [Елена Хаецкая. Синие стрекозы Вавилона/ Прах (1997)]

(7) Государь часто приходил смотреть его работу и, **увидевши** сии парки, тотчас вздумал сделать в сем увеселительном месте что-нибудь поучительное. [С. А. Еремеева. Лекции по русскому искусству, 2000]

При приближенном рассмотрении примера (7) оказалось, что данное предложение является цитатой некоторого существенно более старого текста¹⁴. В силу этого обстоятельства предложение (7) не рассматривается как пример употребления деепричастия *увидевши* в современном языке. То же выяснилось про другие 3 предложения (здесь не приводимые), содержащие интересующее нас деепричастие.

¹³ Мы выбрали 1997 год как границу, поскольку употребления удачно распались на две «хронологические» группы, 1997 был самым ранним из дат, к которым относились современные употребления.

¹⁴ Об этом свидетельствует, во-первых, ряд словоупотреблений: *сии, тотчас, сем*, во-вторых, предшествующее нашему предложению: *Вот один из исторических анекдотов про Петра*.

Таким образом, мы наблюдаем употребление деепричастия *увидевши*, относящееся к современному русскому языку, в 3 предложениях.

2.1.2. Деепричастие *нарисовавши* имеет всего одно вхождение, относящееся к периоду 1908-1917:

(8) **Нарисовавши** это, я почувствовал, что я с ума схожу, — сказал Николай Николаевич, рассказывая нам об этом эскизе, — и на время оставил свою работу. [Т. Л. Сухотина-Толстая. Друзья Ясной Поляны (1908-1917)]

2.1.3. Деепричастие *победивши* обнаруживает 13 вхождений, они относятся к периоду с 1839 года по 1914. В примере (9) представлено самое позднее из вхождений.

(9) «Николай Аполлонович», — бесконечное возмущение, **победивши** испуг, разливалось на бледных скулах Александра Ивановича двумя багровыми пятнами, — «Николай Аполлонович!» [Андрей Белый. Петербург (1913-1914)]

Итак, здесь мы не наблюдаем функционирования формы на *-вши* в современном языке.

2.1.4. Деепричастие *заметивши* имеет 42 вхождения, из которых самые ранние относятся к 1835 году – см. пример (10), а самое позднее – к 1950 году – см. (11). На примере этих сведений мы видим, что данная деепричастная форма не имеет употреблений, относящихся к периоду последних 60 лет, и не функционирует в современном русском языке.

(10) Пискарев чувствовал, что один пожилой человек с почтенною наружностью схватил за пуговицу его фрака и представлял на его суждение одно весьма справедливое свое замечание, но он грубо оттолкнул его, даже не **заметивши**, что у него на шее был довольно значительный орден. [Н. В. Гоголь. Невский проспект (1835)]

(11) **Заметивши**, что я закрываю чернильницу всякий раз, как я в нее обмакиваю перо, он спросил меня, — зачем я это делаю. [Т. Л. Сухотина-Толстая. Отрочество Тани Толстой (1910-1950)]

2.1.5. Деепричастие *прочитавши* имеет 67 вхождений, из которых лишь одно датировано 2003 годом:

(12) Я тоже была поражена, **прочитавши** новеллу Вали Хромова о А.Т.Звереве, «странным сближением». [Зана Плавинская. Отражение (2003) // «Лебедь» (Бостон), 2003.07.28]

Остальные употребления данного деепричастия относятся к периоду с 1782 по 1982 год, например:

(13) Поручить некому: бабушка вспыхнула, как порох, **прочитавши** эти письма.
[И. А. Гончаров. Обрыв (1869)]

Таблица 2 представляет результаты, полученные на нашей выборке.

	Количество вхождений до 1997	Количество вхождений после 1997
<i>увидевши</i>	151	2
<i>нарисовавши</i>	1	0
<i>победивши</i>	13	0
<i>заметивши</i>	42	0
<i>прочитавши</i>	66	1

Таблица 2

Итак, мы описали отклонения стандартных форм на *-в* в нестандартные формы на *-вши*. По данным нашей таблицы, можно говорить лишь о единичных употреблениях нестандартных форм в современном языке. Так, можно констатировать архаический статус подобных форм. Обнаружив и проиллюстрировав подобные отклонения, мы позволим себе сделать некоторое обобщение для итоговой классификации отклонений: формы на *-вши* от основ глаголов совершенного вида без *-ся* будут входить в одну модель с формами на *-в*¹⁵, но мы будем иметь в виду, что внутри данной модели есть также переход.

2.2. Деепричастные формы на *-ши* и *-в* от глаголов с совершенного вида с основой на *-ну*

В данный класс входят деепричастия от глаголов с суффиксом *-ну-*, отсутствующим в основе прошедшего времени (глаголы класса IV по классификации [Грамматика-80]). По сведениям грамматики, вариантный ряд таких деепричастий представлен тремя формами: с суффиксом *-ши* (*замерзши*), регулярным суффиксом *-в*, следующим за *-ну-* (*замерзнув*), и вариантом последнего – *-вши* (*замерзнувши*). Соотношение последних двух было рассмотрено в предыдущем подразделе, поэтому здесь нас будет интересовать оппозиция суффиксов *-в* и *-ши*.

¹⁵ Такое допущение не изменит наших результатов: поскольку с точки зрения стандарта формы на *-в* и на *-вши* образуются от одного типа основ.

Сразу заметим, что из названия данного подраздела следует, что здесь мы будем рассматривать деепричастные формы, образованные от определенного класса глаголов, но не следует, что какие-то из вариантных образований являются стандартными. Поэтому мы отдельно указываем, что стандартными в нашем понимании являются формы на *-ши*, поскольку глаголы совершенного вида образуют деепричастие от основы прошедшего времени (в данном случае *замерз-*, *подверг-*) посредством именно этого суффикса.

Если мы наблюдаем образование деепричастной формы от основы, оканчивающейся на *-ну-* (с суффиксом *-в*), то перед нами случай отклонения: деепричастие образовано от основы инфинитива (*замерзну-*, *подвергну-*), а такой тип основы не входит в стандарт ни одного класса глаголов. То же верно для *-вши*, поскольку здесь данный суффикс присоединяется также к основе инфинитива. Кроме того, отметим, что в предыдущем подразделе мы наблюдали функционирование суффикса *-вши* в формах, которые, согласно стандарту, должны иметь суффикс *-в*. Таким образом, мы имеем уже два класса случаев, где суффикс *-вши* выступает в той же позиции, что и *-в*, притом в обоих случаях выступает «нестандартно». Ниже мы будем рассматривать другой класс отклонений, где выступают суффиксы *-в* и *-вши*, и мы вернемся к этому обобщению.

Теперь мы переходим к исследованию употреблений деепричастий на *-в* и *-ши* от интересующих нас глаголов. Как было указано выше, здесь нашей задачей будет не только проиллюстрировать отклонения как таковые, но еще и выяснить, каково соотношение отклоненных и стандартных форм в современном языке.

Как и в предыдущем случае, мы выбрали 5 деепричастных форм и исследовали их употребления на материале Корпуса.

2.2.1. Для глагола *засохнуть* мы получили следующие результаты: форма *засохнув* имеет 5 вхождений, из которых одно относится к 1941 году, остальные охватывают период с 1998 по 2004 год. Ниже приводятся два употребления в хронологическом порядке:

(14) Другое дерево, **засохнув**, роняет на землю кору, и оттого непокрытая древесина скоро гниет и все дерево падает. [М. М. Пришвин. Этажи леса (1941)]

(15) Несмотря на кажущуюся тонкость, они невероятно прочны: даже **засохнув**, выдерживают груз в 5 кг. [Арина Павлова. «Продолговатый и прозрачный» сезон винограда (2002) // «Семейный доктор», 2002.10.15]

Форма *засохши* отсутствует в Корпусе. Таким образом, мы наблюдаем функционирование нестандартной формы и полное отсутствие регулярной.

2.2.2. Наглядное соотношение вариантов деепричастий обнаруживается у глагола *подвергнуть*: форма *подвергнув* имеет 56 вхождений, из которых 18 относятся к периоду с 1997 по 2004 год, например, (17), остальные – к 1769-1980, например (16).

(16) Во время гонения на христиан их схватили по причине святой веры, и **подвергнув** многим мучениям, посадили в тюрьму. [Епископ Игнатий (Брянчанинов). Отечник (1863)]

(17) **Подвергнув** документ юридической экспертизе, специалисты кафедры обнаружили в нем ряд несообразностей. [Ни «по свободе слова», ни «по свободе вранья» удары нанесены не будут. (2003) // «Время МН», 2003.07.28]

Форма *подвергши* имеет 4 вхождения, последнее из которых датировано 1910 годом:

(18) Насытившись вдоволь уничтожением Клина, армия двинулась на Тверь, **подвергши** той же участи уничтожения и разорения Городню и другие места, через которые проходили. [П.И. Ковалевский. Иоанн Грозный (1900-1910)]

В случае данного глагола перед нами явное преобладание формы на -в, притом употребления варианта с суффиксом -ши не относится к современному языку. И здесь, как и в предыдущем случае, мы наблюдаем преобладание нестандартной формы над стандартной.

2.2.3. Похожая пропорция наблюдается у деепричастных форм глагола *замерзнуть*: форма *замерзнув* имеет 16 вхождений, из которых 8 – до 1997 года (см. (19)) и 8 – после, например, (20), тогда как форма *замерзши* представлена двумя вхождениями: относящимися к первой половине XX века (см. (18)).

(18) И когда, наконец, отчаявшись (и **замерзши**, — около 30-ти гр<адусов> и все выдувает), влезла на кровать под вязаное львиное одеяло — вдруг — сразу — строки:…
[М. И. Цветаева. Дневниковые записи (1917-1941)]

(19) Зимой огонь, **замерзнув** во дворе, поселился дома в печке, чтобы согреться.
[А. П. Платонов. Записные книжки (1928-1944)]

(20) А N. N., **замерзнув** еще в поезде, в пронзительной сырости раннего утра щелкал зубами. [Юрий Петкевич. Живые цветы зимой (2001)]

Здесь, как и в предыдущем случае, мы наблюдаем функционирование формы на *-в* и утрату стандартного образования в современном языке.

2.2.4. Схожую картину обнаруживаем у деепричастий от глагола *ослепнуть*: 16 вхождений формы *ослепнув* в период с 1859 по 2004 год, из которых 6 – до 1997 года (см. (22)), а 10 – после (см. (23)), и всего одно – регулярной формы на *-ши*, относящаяся к 1926 году: пример (21).

(21) Петр Кирилыч сходил за Машей по крутым ступенькам на ощупь, зажмуря глаза и держась за сердце и в самом деле немного **ослепши** от этой быстрой смены тусклого непогожего света на призрачный, больно бьющий в воспаленные глазницы свет от разноцветных лампад. [С. А. Клычков. Чертухинский балакирь (1926)]

(22) Из плохо освещенного коридора вошел человек и остановился на пороге, **ослепнув** в темноте. [Федор Кнорре. Орехов (1968)]

(23) Но он сразу остановился, как бы **ослепнув**, оказавшись в полной темноте.
[Анатолий Мельник. Авторитет (2000)]

И здесь нам встретилось единственное вхождение стандартной формы, тогда как нестандартное образование обладает куда большей встречаемостью.

2.2.5. Деепричастная форма *озябнув* обнаруживает 17 вхождений, охватывающих период с 1867 по 2003 год, 3 из них относятся к периоду после 1997 года (например, (25)), 14 – до 1997 (например, (24)).

(24) **Озябнув**, Андрей пробудился за час до рассвета. [Михаил Бубеннов. Белая береза / части 1-2 (1942-1952)]

(25) Проблаговестив около часа и крепко **озябнув**, папа пришел домой. [Протоиерей Михаил Селищенский, миссионер и свидетель Христов (2003) // «Журнал Московской патриархии», 2003.10.27]

В Корпусе не содержится ни одного употребления формы *озябши*, что дает схожую со случаем в 2.2.1 картину: стандартное образование полностью утрачено.

Теперь мы представим полученные данные в виде таблицы, где в левом столбце через знак «/» представлены варианты деепричастий, в двух других столбцах в том же порядке обозначено число употреблений в указанный период времени:

	Количество вхождений до 1997	Количество вхождений после 1997
<i>засохнув/засохши</i>	1/0	4/0
<i>подвергнув/подвергши</i>	38/4	18/0
<i>замерзнув/замерзши</i>	8/2	8/0
<i>ослепнув/ослепши</i>	6/1	10/0
<i>озябнув/озябши</i>	14/0	3/0

Таблица 3

По данным нашей выборки можно заключить, что описываемая в [Грамматика-80] вариативность форм на *-в* и на *-ши* отсутствует в современном языке. Формы на *-в* продолжают функционировать, а формы на *-ши* полностью вышли из употребления. Поэтому здесь мы констатируем вытеснение (полное для современного языка и частичное для более раннего времени) стандартной формы нестандартной. Таким образом, стандартная форма приобретает архаичный статус.

Однако, несмотря на такой статус, мы констатируем наличие морфологического отклонения и выделяем соответствующий класс: вместо суффикса переход глаголов с данным типом основ (и стандартным суффиксом *-ши*) в модель с суффиксом *-в*. Важной особенностью данного класса отклонений является мена основы: используется основа инфинитива.

2.3. Деепричастные формы от глаголов несовершенного вида на -в и -вши(сь)

Данный класс случаев часто упоминается в различных источниках (см. подробный обзор в [Е.Добрушина 2009 : 17]¹⁶), при этом обычно утверждается, что отклоненные формы на -в и -вши (вместо -а/-я) функционируют в основном с отрицанием. На материале корпусного исследования для большинства глаголов (кроме *есть*, *пить* и *спать* – см. ниже) в работе [Е.Добрушина 2009] опровергается этот тезис.

Здесь мы опишем данный класс случаев и проиллюстрируем интересующие нас отклонения.

Итак, как следует из нашего определения стандарта, деепричастные формы от глаголов несовершенного вида образуются от основы настоящего времени или императива с суффиксом -а/-я. Однако наблюдается употребление нестандартных форм с суффиксами -в и -вши, образованных от основы прошедшего времени.

Мы рассмотрим данные отклонения в трех подразделах: во-первых, для глаголов класса VIII, во-вторых, для глаголов несовершенного вида, образующих редкие стандартные формы, в-третьих, для прочих глаголов несовершенного вида, в частности *быть*. Поскольку отклонение здесь имеет два варианта, сначала мы будем рассматривать отклонения с суффиксом -в, а за тем с суффиксом -вши.

2.3.1. Хотя такие случаи отклонений не описаны ни в одном из известных нам источников, нам все же удалось найти единичные употребления форм типа *создавав* в Корпусе. В предложении (26) мы наблюдаем форму *создавав*. Следует, однако, признать, что в данном предложении скорее ожидается употребление деепричастия *создав*, образованного от глагола совершенного вида *создать*, поскольку глагол, выражающий главное действие – совершенного вида. Впрочем, употребление существует, и нам остается констатировать единственное вхождение подобной нестандартной формы. Форм **сознавав*, **познавав*, **признавав*, **давав*, **вставав*, **отставав* в Корпусе не обнаружено.

(26) Его передовые части к утру 2.10 вышли Романовка, Раевка, Варваровка, **создавав** непосредственную угрозу тылу фронта. [Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Выпуск 42 (1941)]

Формы на -вши от основ императива нам не известны.

¹⁶ В данном разделе мы во многом опираемся на сведения из данной работы и далее не даем к ней отсылку.

2.3.2. Здесь мы начнем со случаев *ев(ши)*, *пив(ши)* и *спав(ши)*, поскольку они отличаются от остальных тем, что образуют регулярные (стандартные) формы крайне редко; их употребление кажется слегка искусственным:

(27) Я думаю, спал... летел **спя**... [Эльдар Рязанов, Эмиль Брагинский. Ирония судьбы, или С легким паром (1969)]

(28) Даже **едя** и **пья**, не преследуют вкуса — лишь бы нажраться. [Алексей Варламов. Пришвин или Гений жизни // «Октябрь», 2002]

Отклонения для глагола *пить* составляют формы на *-в*, как (29) – без отрицания и (щ2) – с отрицанием; для глагола *есть* находятся вхождения лишь с отрицанием, см. (31) и (30); глагол *спать* имеет вхождения как с отрицанием, как в (33), так и без него, как в (32).

(29) Сии двое, **пив** с ним вместе и угождая сей его страсти, сочинили партию при дворе, противную князь Никите Юрьевичу Трубецкому. [М. М. Щербатов. О повреждении нравов в России (1786-1787)]

(30) Не можете представить, как я обрадовался, не **ев** три дни и крайне не любя соленого мяса и гороховых пудингов, которыми английские мореходцы потчевают своих пассажиров! [Н. М. Карамзин. Письма русского путешественника (1793)]

(31) Не **ев** и не **пив** со вчерашнего утра, он почувствовал приступы голода и жажды. [Г. П. Данилевский. Сожженная Москва (1885)]

(32) Плохо **спав**, 4 декабря 1980 года, через два с половиной года после приезда в Америку, я приехал в госпиталь Святого Винсента на Двенадцатой улице — на час раньше срока. [Владимир Голяховский. Русский доктор в Америке (1984-2001)]

(33) Сутки не **спав**, капитан покинул клетку, чтобы приволочь тюфяк с подушкой да шинелку, и улегся на виду у всей роты. [Олег Павлов. Казенная сказка (1993)]

Второй разновидностью рассматриваемых нами отклонений являются формы на *-вши*, которые не кажутся искусственными, хотя имеют, согласно данным интроспекции, стилистически маркированный характер. В примерах (34) и (35) мы наблюдаем употребления нестандартных форм.

(34) С 27 октября я проработал, не **спавши**, ровно 12 ночей подряд напролет. [П. Н. Филонов. Дневник (1930-1939)]

(35) Прибегает — никого нет, полон стол выпивки, а он три дня не **евши**, не **пивши**. [Анатолий Трушкин. 208 избранных страниц (1990-2002)]

Наши примеры содержат вхождения деепричастий с отрицанием. Согласно данным работы [Е.Добрушина 2009 : 17-18], в Корпусе находится менее 10 примеров употреблений каждого из рассматриваемых нами деепричастий без отрицания, притом количество употреблений с отрицанием в разы больше.

2.3.3. Теперь мы перейдем к рассмотрению отклонений данного класса от основ прочих глаголов несовершенного вида, в частности глагола *быть*. Именно с этого глагола мы начнем данный подраздел.

Глагол *быть* обнаруживает отклонения обоих видов, имеются употребления как с отрицанием, так и без него: *быв* (примеры (36) и (37)) и *бывши* (примеры (38), (39)).

(36) И Пушкин понял, как генерал, **быв** героем народной Отечественной войны в 1812 году, ни одного дня не переставал быть отцом и теперь без малых дочек никак не мог ехать в Крым. [Ю. Н. Тынянов. Пушкин (1935-1943)]

(37) Полвека не **быв** в нашей стране, она снайперски ориентировалась. [Андрей Вознесенский. На виртуальном ветру (1998)]

(38) Она сразу признала поэта, а он не смог ее вспомнить, не **бывши** дома много лет. [Юрий Петкевич. Явление ангела (2001)]

(39) **Бывши** совсем зеленым, слушал я Уду Диркшайдера в составе группы «Ассерт» и тащился жутко. [Х. Ботаник. Байда: Музыка (2004) // «Хулиган», 2004.07.15]

Аналогичные отклонения можно наблюдать и у других глаголов. Мы проиллюстрируем нестандартные формы от оставшихся глаголов данного класса на примере *знать* и *иметь*.

Формы на *-в* образуются от обоих глаголов: *знав* имеет вхождения с отрицанием (41) и без отрицания: (40). Предложение (41) представляет собой интересный пример употребления нестандартной формы *знав* вслед за стандартной *имея*, хотя, как будет видно ниже на примере (43), отклонение *имев* также функционирует в русском языке.

(40) Но кто, **знав** тебя, не поверит тебе на слово своего имени, тот сам не стоит никакой доверенности». [М. О. Гершензон. Мудрость Пушкина (1919)]

(41) Не имея и не **знав** нигде себе неприятеля, требования делают напрасные и сами по себе намерение их противу нас обличают. [Е. В. Тарле. Адмирал Ушаков на Средиземном море (1798-1800) (1948)]

В предложениях (42) и (43) мы наблюдаем употребление морфологически отклоненных форм глагола *иметь* с отрицанием и без соответственно.

(42) Казалось, что странная беседа его с фельдмаршалом, не **имев** начала, и оборвется без конца. [С. Т. Григорьев. Александр Суворов (1939)]

(43) **Имеv** неосторожность вначале выдать себя за поэта, он почувствовал себя разоблаченным. [Ю. Н. Тынянов. Пушкин (1935-1943)]

Теперь мы переходим к рассмотрению отклоненных деепричастных форм от тех же глаголов с суффиксом *-вши*.

Форма *знавши* встречается с отрицанием, например, в (44), а также без отрицания, например, (45).

(44) Он мне рассказывал, каким образом он перевел французскую книгу — ни слова не **знавши** по-французски. [И. С. Тургенев. Месяц в деревне (1850)]

(45) Что касается Серова, то он был необычайно умный и энциклопедически образованный человек, но зато я, **знавши** его лично, никогда не любил его как нравственную личность. [П. И. Чайковский. Переписка с Н.Ф. фон-Мекк (1880)]

Деепричастие *имевши* также имеет вхождения с отрицанием и без:

(46) Кто пишет, не **имевши** дарований и способностей, составляющих хорошего писателя, тот не писатель, но бумагомаратель. [Н. И. Новиков. [Рассуждение об авторах еженедельных сочинений 1769 года] (1769)]

(47) **Имеvши** в распоряжении своем такие неограниченные способы, Мецель хотел и свое имя сделать известным. [Е. Ф. Комаровский. Записки графа Е.Ф.Комаровского (1830-1835)]

Формы на *-вшись* также функционируют в русском языке на месте форм *вместо -ась/-ясь*, однако таких немного:

(48) И всю жизнь **бившись** о лед башкой. [Владимир Маканин. Андеграунд, или герой нашего времени (1996-1997)]

Итак, мы рассмотрели данный класс отклонений и проиллюстрировали функционирование нестандартных форм на *-в* и *-вши* от глаголов несовершенного вида.

Как говорилось в подразделе 2.2.2, мы наблюдали два класса отклонений, где *-вши* выступает в той же позиции, что и *-в*. Только что мы рассмотрели еще один такой класс. Теперь мы проведем промежуточный итог под нашими тремя классами и сделаем следующее обобщение: деепричастия на *-вши* выступают как нестандартные образования от всех тех основ, которые имеют образования на *-в*, вне зависимости от того, является форма на *-в* стандартной или нет. Это наблюдение подтверждает допустимость сделанного нами обобщения по поводу объединения моделей с суффиксами *-в* и *-вши*.

Для нас было важным сделать такое наблюдение именно на этом этапе, поскольку теперь мы перейдем к следующему классу морфологических отклонений, где мы предполагаем столкнуться с похожей корреляцией суффиксов. Но мы вернемся к этому вопросу лишь в конце следующего подраздела.

2.4. Деепричастные формы на *-миши(сь)*

Теперь мы переходим к рассмотрению особенного класса морфологических отклонений: особенность этого класса заключается в том, что формы на *-миши(сь)* не описаны в используемых нами источниках, вскользь они упоминаются в работе [Е.Добрушина 2009] и [Плунгян 2008].

Данным отклонениям не уделялось особого внимания, но они все же существуют, хотя и, скорее всего, не относятся к высокому стилю или литературному языку. Мы покажем на примерах Корпуса, что такие формы функционируют в русском языке.

Итак, Корпус содержит следующие употребления деепричастий на *-миши* от основ несовершенного вида:

(49) Раз София Николаевна, сестрица их, **бымши** в их комнате, отворили клави-корд и так взяли одну акорду: «Вечерком красна девица». [А. И. Герцен. Поврежденный (1851)]

(50) В дом их ждал, потому сумления для меня уже не было никакого в том, что они в эту самую ночь прибудут, ибо им, меня **лишимшись** и никаких сведений не **имемши**, беспрерывно приходилось самим в дом влезть через забор-с, как они умели-с, и что ни есть совершить. [Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы (1880)]

(51) А мы не **жрамши**, не **пимши**, на билеты последнее истратили. [Михаил Тарковский. Кондромо // «Октябрь», 2003]

(52) или рассказать, как я, на линии **работамши**, ипохондрические жалобы у якобы «больных» инъекционным амитриптилином лечил? [Красота, здоровье, отдых: Медицина и здоровье (форум) (2005)]

В последних четырех примерах мы отмечаем нестандартные формы, образованные от основ несовершенного вида (в частности, форму *бымши*). Мы уже наблюдали морфологически отклоненные формы на на -в и на -вши от данных основ в разделе 2.2.3.

В следующей группе примеров мы наблюдаем употребление суффикса -мши с основами глаголов совершенного вида:

(53) Только все одно пятьдесят рублей будет: времена нынче тяжелые, овес дорог, да и нынешние господа все норовят через проходной двор, не **уплатимши**... [Сергей Бабаян. Господа офицеры (1994)]

(54) Из дальнейшего текста послесловия делается ясно, кого Макс Фрай, **сбросимши** прежних идолов с корабля современности, водрузил на их место. [Михаил Бутов. Отчуждение славой // «Новый Мир», 2000]

И в последних двух примерах мы встречаем образования, знакомые нам по разделу 2.1: там мы рассматривали нестандартные деепричастия от данной группы основ с суффиксом -вши.

Отметим здесь, что, хотя деепричастия с суффиксом -мши скорее осознаются как стилистически маркированные или разговорные, пример (54) показывает, что подобные деепричастия встречаются и в современных публицистических текстах¹⁷.

Примеры нестандартных деепричастий на -мши, образованных от основ, рассмотренных в разделе 2.2, не были обнаружены в Корпусе. Однако такие формы все же образуются: это нам удалось выяснить после запроса на сервере yandex.ru:

(55) С чего Вы решили, что этих доказательств нет (не **постигнумши** даже школьного учебника)? [Исследование пирамиды ОТКЛАДЫВАЕТСЯ до создания новых роботов группами из США и УК? (форум) 2007]

(56) А тут все в эгоистичных переживаньях **погрязрумши**.... [Весы, неужели так и будем в стороне стоять?! (форум) 2007]

Теперь мы перейдем к рассмотрению деепричастий, оканчивающихся на -мшись.

¹⁷ Пример и комментарий к нему взят из работы [Плунгян 2008: 19]

Как выяснилось, такие образования наблюдаются только от основ глаголов совершенного вида:

(57) Тут и подходит к ним ихний соблазнитель, только уж не в прежней змеиной коже, а **переодевшись** в партикулярное платье, разумеется. [Л. М. Леонов. Вор. Части 1-2 (1927)]

(58) Вместе со своей служанкой Аброй, усердно **помолившись** богу, она отправляется в лагерь Олоферна, надеясь, обольстив его своей красотой, убить его. [Н. К. Гудзий. История древней русской литературы. (XVI-XVII вв.) (1938)]

Отметим, что эти формы в стандартном варианте имеют суффикс *-вши*.

Теперь мы сделаем еще одно обобщение по поводу рассмотренных на настоящий момент классов отклонения: формы с суффиксом *-миш* образуются только от тех основ, от которых существуют образования с суффиксом *-вши*, вне зависимости от «стандартности» последних.

Относительно выделения классов отклонений здесь можно сделать такое наблюдение: существуют переходы из всех стандартных моделей в модель с суффиксом *-миш* при нестандартности последней.

2.5. Деепричастные формы от глаголов несовершенного вида на *-учи(сь)/-ючи(сь)*

Данный класс деепричастий особенно интересен, поскольку в современном русском языке представлен единственным стандартным образованием *будучи*. Все прочие образования с таким суффиксом являются морфологически нестандартными. Отметим сразу, что этот класс неоднороден: к нему принадлежат, с одной стороны, синхронные деепричастные формы, являющиеся парадигматическими формами глагола (например, *идучи*, *жаляючи*), с другой, наречные лексемы, представляющие собой результат некоторого семантического отклонения (о наречном характере этих деепричастий см. [Исаченко 1954/2003: 527]). К последним относятся *играючи*, *крадучись*, *припеваючи* и *умеючи*, для которых существуют отдельные входы в словаре [Зализняк 1977]¹⁸.

Семантические отклонения этих деепричастий и их переход в другую часть речи выходит за рамки задач, поставленных в нашей работе. Поэтому здесь мы занимаемся иллюстрацией отклонений лишь морфологического характера.

¹⁸ К этому классу, вероятно, стоит относить и слово *неумеючи*, имеющее в Корпусе 4 вхождения, но не отмеченное в используемых нами словарях.

Приведем примеры употребления деепричастий с суффиксом *-учи/-ючи*:

(59) Строгановы раньше железными заводами не от силы занимались, а тут и им приспичило, — на Акинтьевы богатства **глядючи**. [П. П. Бажов. Демидовские кафтаны (1939)]

(60) Милочка жалела автора, а **жалеючи**, видно, и полюбила. [И. Грекова. Перелом (1987)]

(61) Мяч летел слабо, неточно, и мальчики **играючи** отбивали его сильными футбольными ударами на сухую выгоревшую траву. [Алексей Варламов. Купавна // Новый Мир, № 11-12, 2000]

(62) Я села за стол и решила — танцевать не буду, а уж **сидючи** блесну «эрудицией» (все-таки профессорская дочка) и за непринужденной — «светской, интеллигентной» — беседой все, а главное всех, поставлю на место. [Галина Шергова. ...Об известных всем (2002-2004)]

Данные примеры иллюстрируют образование нестандартных форм на *-учи/-ючи* от основ несовершенного вида. Формы с данным суффиксом от глаголов совершенного вида нам не известны.

Особенно интересны формы от глаголов, упоминавшихся в разделе 2.1.3: глаголы, образующие деепричастия редко или вообще их не образующие.

В примерах (63) и (64) мы наблюдаем деепричастные образования от подобных глаголов с суффиксом *-учи/-ючи*, что говорит о еще одной его интересной особенности: именно этот, казалось бы, самый маргинальный из всех суффиксов¹⁹, с помощью которых образуются стандартные формы, используется при «неудобстве» в образовании деепричастия.

(63) Он дирижировал кавказскими горами И **машучи** вступал на тесных Альп тропы, И **озираючись**, пугливыми шагами Шел через разговор бесчисленной толпы. [Эмма Герштейн. На фоне всех ревизий века (1999)]

(64) С кем и против кого дружить собираешься, тут **пишучи**? [Женщина + мужчина: Секс (форум) (2004)]

Мы наблюдаем функционирование суффикса *-учи/-ючи* и перед постфиксом *-ся*:

¹⁹ Такой взгляд может быть сформирован на основании факта, что класс стандартных деепричастий с данным суффиксом представлен лишь одной словоформой *будучи* – см. выше.

(65) И будут умирать, пока вы лично им не объясните, что отступить надо. Все полягут, вас **дожидаячись**. — Он помолчал и вдруг крикнул резким, звенящим голосом: — Встать, генерал Скобелев! [Борис Васильев. Были и небыли. Книга 2 (1988)]

(66) Если мы не можем жить лицом к лицу со смертью, как бы с вызовом смерти, мы будем жить **пресмыкаячись**, мы будем жить полужизнью. [митрополит Антоний (Блум). О смерти (1985-1995)]

Итак, здесь мы выделяем один класс отклонений: в результате перехода из модели с суффиксом *-а/-я* глаголы несовершенного вида образуют нестандартные формы на *-учи/-ючи*.

2.6. Деепричастные формы на *-а/-я* от глаголов совершенного вида на *-ти(сь)*

Отметим, что стандартные формы деепричастий данного класса содержат суффикс *-ши*: *привезши, принесши, пришедши*²⁰. Таким образом, здесь мы наблюдаем, как вместо данного суффикса выбирается *-а/-я*, а образующей основой становится основа будущего времени.

Данный класс из всех нестандартных демонстрирует едва ли не самую высокую продуктивность: едва ли в современном русском языке функционируют формы типа *привезши*. Хотя в этом разделе мы не занимаемся корпусным анализом с точными количественными соотношениями частотности форм, приведем лишь одну пропорцию: в Корпусе содержится 6 вхождений формы *привезши* и 57 вхождений *привезя*.

Примеры, следующие ниже, содержат вхождения нестандартных деепричастных форм:

(67) Был зимний вечер, и мать уходила из Дома, **привезя** меня туда из Ленинграда на неопределенный срок ("пока все устроится"). [Марина Палей. Поминование (1987)]

(68) Экспедиция Магеллана не только открыла пролив, **принеся** мореходам всех времен огромную пользу. [Олег Тихомиров. Подвиг Магеллана // «Мурзилка», № 1, 2002]

(69) Как-то, **прийдя** домой с лекций, я обнаружил ее труп в ванной. [Олег Вулф. Перуанский сезон (2003) // «Лебедь» (Бостон), 2003.08.04]

Глаголов с постфиксом *-ся* здесь обнаруживается немного, но мы покажем случай отклонения на *-ясь*:

²⁰ Об особенностях основ прошедшего времени глаголов данного класса см. подраздел 2.1.2

(70) Я пробовал приклеиться к свободным военным девахам, но и они, **пройдясь** со мной по улице Ольвии, вежливо уклонялись от дальнейших гуляний, особенно по саду. [Виктор Астафьев. Обертон (1995-1996)]

Здесь, пожалуй, следует признать, что стандартная форма *прошедшись* кажется архаичной. Вероятно, если бы при определении стандарта мы опирались на статистики и критерий «функционирует ли стандартная форма при функционировании нестандартной», этот класс мы бы считали стандартом.

Этот класс отклонений мы объединяем с классом глаголов с основой на *-ну-*, рассмотренным в 2.2., поскольку перед нами переход глаголов из предписанной модели с суффиксом *-ши* в модель с *-а/-я*.

2.7. Деепричастные формы на *-а/-я(сь)* от глаголов совершенного вида II спряжения

Класс, к которому мы переходим теперь, некоторым образом сходен с предыдущим: и здесь мы занимаемся глаголами совершенного вида с тем же суффиксом *-а/-я*, однако в данном случае этот суффикс выступает вместо *-в*, если глагол не имеет постфикса *-ся*, или вместо *-вши* в обратном случае.

Многие деепричастия данного класса вошли во фразеологические сочетания (см., например, [Грамматика-60: 525]), однако не все они употребляются исключительно внутри фразеологизмов. Например, нестандартная форма *положа* (стандарт – *положив*) имеет, помимо широко распространенных вхождений типа (71), еще и (72), где деепричастие употреблено в самом прямом значении и не входит во фразеологический оборот.

(71) С этими словами тракторист широко зевнул, потом заморгал-заморгал глазами и через минуту с присвистом захрапел, **положа** голову на переднее колесо. [Вячеслав Пьецух. Памяти Кампанеллы // «Новый Мир», 1998]

(72) Только, **положа** руку на сердце, скажите: в какой еще стране мира могут так учудить? [Черные дыры России (2003) // «Криминальная хроника», 2003.06.10]

К этому классу относятся деепричастия *спустя*²¹ (~ *рукава*), *слож*а (~ *руки*), *высун*я (~ *язык*), *сло*мя (~ *голову*). Такие случаи достаточно подробно описаны в грамматиках, в статье Е. Р. Добрушиной и в работе А. В. Исаченко.

²¹ Это деепричастие представляет собой еще и случай грамматикализации: *два дня спустя*, где оно выступает в качестве предлога. Подробный обзор отклонений семантического характера выходит за рамки настоящей работы.

Есть и деепричастия, свободные от фразеологизации: например, *увидя* (73), *заметья* (74).

(73) И, **увидя** ее, он не испытал злобы к людям. [Василий Гроссман. Все течет (1955-1963) // «Октябрь», № 6, 1989]

(74) **Заметья** это, я сказал: «Дай ему в ухо пивом». [Варвара Жданова. «Все обращалось к его славе...» (2003) // «Наш современник», 2003.06.15]

Существуют и формы с постфиксом *-ся*, где наш суффикс выступает вместо *-вши*. Такие случаи представлены в (75), (76).

(75) **Возвратясь** в Петербург, мы нашли Розанова с виду совершенно таким же, каким оставили. [З. Н. Гиппиус. Задумчивый странник (о Розанове) (1923)]

(76) Она заплакала, **прислонясь** к окну, и шептала: "Зачем, зачем ты туда вернулся, братушка..." [Борис Екимов. Пиночет (1999)]

Итак, здесь мы выделяем новый класс отклонений: вместо модели с суффиксом *-в/-вши* (в зависимости от наличия постфикса *-ся*), глаголы совершенного вида II спряжения образуют нестандартные формы по модели с суффиксом *-а/-я*.

2.8. Деепричастные формы на *-в* и *-вши(сь)* от основ инфинитива глаголов совершенного вида

Данный класс обладает сходством с некоторыми из уже рассмотренных нами классов: во-первых, с классом из 2.2 (глаголы с основами на *-ну*), поскольку образует нестандартные формы от основы инфинитива, во-вторых, с классами, где *-вши* появляется на месте *-в*. Относительно последнего отметим, что данный класс случаев является еще одним подтверждением тому, что нестандартная форма с суффиксом *-вши* образуется в тех случаях, когда имеется образования с суффиксом *-в*.

Здесь нас будут интересовать деепричастия, имеющие стандартную форму на *-ши* (*умершии*, *заперши*), но образующие нестандартные формы на *-в* и *-вши* от основы инфинитива (*умерев*²², *заперев(ши)*).

Факт, что деепричастия данного класса образуются от другого типа основ (с исходом на согласную в прошедшем времени и с исходом на *-е* в инфинитиве) заставляет нас

²² Форма *умеревши* отсутствует в Корпусе и есть вероятность, что она вообще не существует.

рассматривать данный класс отдельно от 2.3, хотя, как мы увидим ниже, для классификации отклонений от стандарта подобное дробление необязательно.

Формы на *-вши* от данных основ крайне редки: нам удалось найти лишь одно употребление:

(77) Бильбокэ! **Заперевши**, отчитывал. — «Я говорю тебе, вам: вы оставьте-ка — паф!» [Андрей Белый. Начало века (1930)]

Деепричастия же на *-в* свободно употребляются: см. примеры (78) и (79).

(78) Ника не пришла домой ночью, а рано утром, **заперев** дверь на все замки, я уехал из города на две недели. [Виктор Пелевин. Ника (1992)]

(79) Ведь некоторые люди, **умерев**, оставляют свои тени на земле, и вон их сколько в лабиринтах Африки. [Юрий Буйда. Город палачей // «Знамя», 2003]

Функционируют и формы на *-вшись*:

(80) Все опять сняли обувь и уселись на полу, **оперевшись** левой рукой, а правой начали есть. [Артем Тарасов. Миллионер (2004)]

(81) **Заперевшись** в своей комнатухе, молодожены вскрывают коробку с подарком [Александр Архангельский. 1962. Послание к Тимофею (2006)]

Итак, мы рассмотрели нестандартные формы от нашей группы глаголов. Класс отклонений, который мы наблюдали, совпадают с тем, который был рассмотрен в разделе 2.3. На этом основании мы объединяем эти два класса и на общей схеме отклонений будем обозначать их единым образом.

3. Обобщение: граф отклонений от морфологического стандарта

Итак, как мы видели на примере восьми подразделов нашего раздела, в русском языке имеется большое количество морфологически нестандартных деепричастий. Подводя итог, отметим следующие факты: существует по крайней мере два класса отклонений, которые функционируют в современном языке, в то время как стандартное образование вышло из употребления – это было проверено подсчетом употреблений в Корпусе в подразделах 2.1 и 2.2.

Кроме того, мы отметили следующие закономерности: суффикс *-вши* образует нестандартные формы от тех основ, от которых существует образование с суффиксом *-в*, вне

зависимости от того, стандартно это образование или нет. Нестандартные формы с суффиксом *-мши* наблюдаются тогда и только тогда, когда существует образование с суффиксом *-вши*, опять же вне зависимости от стандартности последнего образования. Таким образом, можно говорить о корреляции суффиксов *-вши* и *-в*, *-вши* и *-мши*, а также, пользуясь математическим языком, о корреляции второго порядка *-в* и *-мши*.

На основании обобщений, приведенных в качестве промежуточных итогов в каждом из подразделов нашего раздела, было выделено десять классов отклонений.

Теперь мы перейдем к нашей классификации. Как представляется, наиболее наглядной формализацией здесь окажется граф, в узлах которого будут расположены стандартные модели образования деепричастий, притом будет указан тип основы и присоединяемый суффикс; дуги этого графа будут обозначать направление перехода глаголов в несвойственную для них модель – собственно, результатами данных переходов и являются рассмотренные нами нестандартные образования.

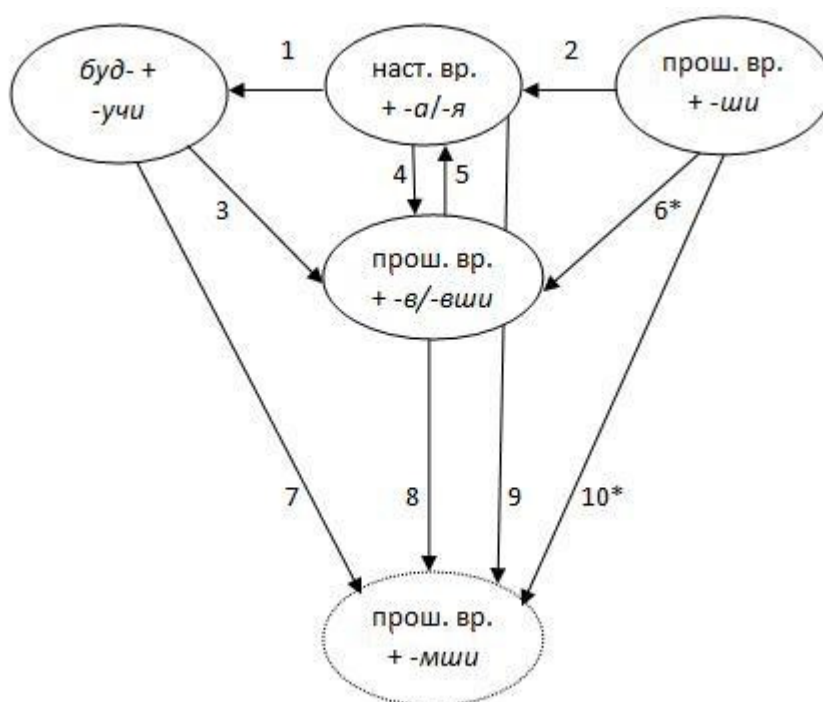

Рисунок 1

Приведем примеры на каждый из классов отклонений. Ниже номера примеров соответствуют номерам у стрелок графа.

1 - *играя* → *играючи*

2 - *прошедшишь* → *пройдясь*

3 - *будучи* → *быв, бывши*

4 - *играя(сь)* → *играв, игравши(сь)*

5 - *увидев, прислонившись* → *увидя, прислонясь*

6* - *подвергши(сь)* → *подвергнув, подвергнувши(сь)*

7 - *будучи* → *бывши*

8 - *увидев, преодолевшись* → *увидемиши, преодолемшись*

9 - *играя(сь)* → *играмиши(сь)*

10* - *подвергши* → *подвергнумиши*

11 - *увидев* → *увидевши*

Знаком «*» помечены те типы отклонений, при которых в нестандартном варианте выступает основа инфинитива с исходом на гласную (см. 2.2). Последний класс отклонений имплицитно присутствует в графе: как было показано выше, все деепричастия, имеющие (стандартный или нестандартный) вариант с суффиком *-в* имеют также вариант с суффиком *-вши*.

Итак, на представленном графе обозначены все выявленные классы морфологических отклонений.

III. Синтаксис деепричастий

В настоящей главе мы будем заниматься изучением деепричастий с синтаксической точки зрения. Как и в предыдущей главе, здесь мы сначала уделим внимание синтаксическому стандарту деепричастий (раздел 1), а затем – отклонениям от него (раздел 2).

1. Синтаксический стандарт деепричастий

В данном разделе нам предстоит определить свойства, которыми должно обладать стандартное деепричастие на уровне синтаксиса. На данный момент ни один из известных источников не содержит исчерпывающего взгляда на данную проблему, который бы обеспечил возможность полного и систематического описания и анализа всех наблюдаемых в русском языке типов употреблений деепричастий²³.

Мы разделим процесс выявления стандарта на несколько стадий в соответствии с различными типами синтаксических свойств (см. ниже), а затем сформулируем принимаемый в данной работе стандарт, с которым и будем работать в дальнейшем при исследовании и описании отклонений от него.

Под различными типами синтаксических свойств мы понимаем следующие четыре:

кореферентность (субъекта деепричастия субъекту глагольной формы, которую оно определяет);

сочетаемость с различными глагольными формами;

синтаксическая функция в предложении;

способность выражать различные значения категории таксиса.

Рассматривать именно эти четыре типа кажется наиболее целесообразным на данный момент, поскольку они, как представляется, составляют основные пункты анализа категории деепричастия и в сумме дают практически исчерпывающее представление о ней. В представленном перечислении типы свойств распределены в порядке убывания с точки зрения актуальности для настоящей работы. Актуальность здесь обусловлена, в первую очередь, количеством отклонений по каждому из типов: как будет показано ниже, свойство кореферентности обнаруживает наибольшее количество отклонений от стандарта и поэтому нуждается в наиболее подробном изучении. Кроме того, актуальность определяется степенью изученности каждого из перечисленных типов в отношении категории деепричастия.

²³ Почти исчерпывающей здесь можно считать работу Я. Г. Тестельца [Тестелец 2001], подробнее об этом см. ниже

Таким образом, в центр нашего внимания в настоящем разделе попадет свойство кореферентности, но также будут рассмотрены и остальные три свойства.

Предварительное уточнение: на синтаксическом уровне анализа деепричастий в поле нашего внимания попадают явления другой природы и структуры в отличие от уровня морфологии. Если в предыдущем разделе мы занимались, главным образом, исследованием вариантных рядов форм, образованных от одной глагольной лексемы, и фактически параметрами анализа деепричастий являлись основа и суффикс, то на уровне синтаксиса мы столкнемся с большим количеством параметров. Приведем также замечание из работы Г.А.Золотовой, посвященной синтаксической норме: «Спецификой синтаксического уровня, непосредственно связанного с процессом мышления и процессом коммуникации, обусловлена особая роль семантики в организации синтаксических единиц» [Золотова 1974: 146]. Таким образом, при анализе явлений на уровне синтаксиса мы будем также обращаться к их семантическим характеристикам.

1.1. Кореферентность

Требование кореферентности субъектов русского деепричастия и глагольной формы, которую оно определяет, не вызывает сомнений и постулируется практически во всех работах, касающихся деепричастий – от традиционных и нормативных работ по русистике до специализированных по морфологии, синтаксису и типологии (например, [Исаченко 1954/2003; Пешковский 1956; Грамматика-80; Неद्याлков 1990; Тестелец 2001]).

В первом приближении данный постулат вполне достаточен в виде «субъекты действий, называемых деепричастием и глагольной формой, которую оно определяет, совпадают» ([Грамматика-80: 672]). При более подробном рассмотрении данной формулировки правомерен вопрос о том, чем могут быть выражены совпадающие, или кореферентные, субъекты.

По поводу субъекта действия, выраженного деепричастием, все сходятся во мнении, что данный субъект не имеет и не может иметь фонетического выражения (см., например, [Грамматика-80: 672; Тестелец 2001: 287; Кибрик 2005: 113]). В плане наличия подлежащего у деепричастия главенствует мнение о том, что оно существует (в терминах порождающей грамматики подлежащее нефинитных клауз – в частности возглавляемых деепричастиями – PRO). Имеется, однако, противоположный взгляд, предложенный в [Babby 1998], предполагающий, что в случае субъектного контроля (нулевое) подлежащее отсутствует, а соответствующие обороты не имеют статуса отдельной клаузы. Тем самым, поскольку над подлежащими деепричастных оборотов обнаруживается субъектный кон-

троль со стороны подлежащего доминирующих над ними клауз, постулируется отсутствие собственного подлежащего у деепричастия. Здесь мы все же будем придерживаться традиционной точки зрения и считать, что деепричастие имеет подлежащее, которое не имеет поверхностного выражения. Как будет показано ниже, то самое условие, при котором L.Vabby предлагает постулировать отсутствие подлежащего, – субъектный контроль – не всегда выполняется. Подобные случаи будут рассмотрены в разделе отклонений от синтаксического стандарта, однако при них необходимо постулировать собственное подлежащее у деепричастия.

В отношении субъекта «главного» действия единого мнения нет, точнее, соответствующий вопрос либо не ставится как таковой (в [Грамматика-80] обсуждается лишь сочетаемость деепричастия с инфинитивом и в связи с этим возможность присутствия субъекта²⁴ в дательном падеже: *Мне придется принять решение, взвесив все аргументы*), либо ответ на этот вопрос недостаточно полон. Так, например, обстоит дело в [Тестелец 2001: 287], где обсуждается, например, вопрос падежа нулевого подлежащего при инфинитиве; впрочем, данная работа имеет совершенно отличные от наших цели и специфику, деепричастия там являются скорее иллюстративным материалом, чем объектом исследования.

Собственно, на сам вопрос о том, какими свойствами должен обладать субъект главного действия и какое поверхностное выражение он может иметь, мы и попробуем дать последовательный ответ.

Прежде чем приступить к описанию свойств субъекта главного действия, необходимо дать определение термина субъект и указать, как он соотносится с термином подлежащее; обоими терминами мы будем пользоваться в настоящей работе. Подлежащим мы будем называть единицу в именительном падеже, контролирующую согласование с глаголом-сказуемым²⁵. Субъект понимается несколько шире: вслед за известным определением, предложенным в [Золотова 1982], субъект является «носителем предцизируемого признака». Разумеется, такое понимание несколько интуитивно (см. об этом также [Тестелец 2001: 348]), однако в достаточной степени отвечает нашей задаче и отражает употребление термина субъект в академических грамматиках, которые в первую очередь привлекаются для формулировки стандарта. Таким образом, всякое подлежащее является субъек-

²⁴ Наше понимание термина **субъект** будет обсуждаться позже, здесь приводится употребление, принятое в «Русской грамматике».

²⁵ Проблема термина подлежащее неоднократно обсуждалась, ср. [Кинэн 1982; Тестелец 2002]. Как было показано в работах [Тестелец 2001; Тестелец 2002], где фактически дано многофакторное определение обсуждаемого термина, подлежащее – именная группа, обладающая рядом приоритетных признаков. Для нас оказываются существенными два из них.

том, но не всякий субъект является подлежащим. Субъект при деепричастии всегда является подлежащим, поэтому в данном случае мы будем употреблять оба термина.

Ниже мы рассмотрим различные способы выражения субъекта главного действия, что в итоге и будет являться стандартом в отношении свойства кореферентности.

Ненулевой субъект. В первую очередь мы рассмотрим субъекты, имеющие фонетическое выражение и оформленные именительным падежом. Такой порядок выбран потому, что, как будет показано ниже, данный класс субъектов, помимо прочих, содержит канон.

i. Данный вид представляет собой канон с точки зрения кореферентности: в каноническом случае субъект главного действия оформлен именительным падежом. Такое понимание имплицитно утверждается следующими утверждениями: «...при наличии в предложении канонического подлежащего никакая другая ИГ контролировать референцию PRO в деепричастном обороте не может», «каноническое подлежащее – именная группа в им.п., с которой согласуется глагол-сказуемое» ([Тестелец 2001: 331, 317]); «Не отвечают литературной норме и деепричастия в таких не подлежащно-сказуемых предложениях с дат. п. и вин. п. с субъектным значением: *Выполняя это поручение, ему не хотелось огласки*», а также «Деепричастие функционирует как определение при всех предикативных формах глагола <...> Субъект действий, называемых деепричастием и той глагольной формой, которую оно определяет, совпадает» ([Грамматика-80: 182, 672]). На основании данных утверждений можно сформулировать канон следующим образом:

(82) контроль референции PRO деепричастия осуществляется подлежащим в именительном падеже из доминирующей над деепричастием клаузы (в терминах порождающей грамматики), или субъект деепричастия совпадает с субъектом главного действия в именительном падеже (в традиционных терминах академической грамматики).

Здесь необходимо уделить внимание понятиям контроля и кореферентности и связи между ними. Во-первых, укажем, что первое из них обозначает несимметричное отношение: элементы, состоящие в отношении контроля, называются контролером и мишенью (контролер определяет референцию мишени – см. об этом [Тестелец 2001: 288]); отношение кореферентности симметрично и обозначает, что элементы, состоящие в данном отношении, имеют отсылку к одному и тому же референту. Во-вторых, отношение кореферентности несколько шире: в него могут вступать элементы, не связанные отношением контроля, ср. *Человек_i постучал в дверь; через минуту он_i вошел*, где коиндексированные

элементы находятся в отношении кореферентности, но контроль при этом отсутствует. Таким образом, в общем случае при кореферентности контроль не обязателен. Однако в случае подлежащего при деепричастии и при предикате доминирующей над ним клаузы, по-видимому, можно говорить о наличии как контроля, так и кореферентности. По этой причине в настоящей работе могут употребляться оба термина для обозначения отношения между подлежащим при деепричастии и при глагольной форме из доминирующей клаузы.

В качестве примеров рассмотрим предложения:

(83) **Я** все видел, сам **оставаясь** незамеченным (по [Тестелец 2001])

(84) **Поезд** мчался, **обволакивая** паром сторожевые будки (К.Г.Паустовский, по [Грамматика-80])

В обоих предложениях субъект деепричастного оборота кореферентен эксплицитному подлежащему главного предложения.

В отношении способности номинативного субъекта контролировать PRO деепричастия существует ограничение (см., например, [Тестелец 2001]): данный субъект не может одновременно являться субъектом при пассивном залоге в главном предложении, ср. пример, который приводится в [Грамматика-80: 182] для иллюстрации данного ограничения: «В пассивных конструкциях типа *Получив большое количество пробоин, танк был подожжен* (газ.) <...> деепричастие относится к подлежащему, означающему одновременно и субъект действия, и объект действия; этим объясняется ненормативность деепричастных оборотов в таких конструкциях». Отметим, что данное ограничение контроля подлежащего при деепричастии распространяется не только на субъект пассивного залога, но и на агентивное дополнение: *Получив данные, (нами) будет выбран самый благоприятный момент для нанесения удара* [Ицкович 1982: 135-126; Тестелец 2001: 332], подобные употребления запрещены также в [Розенталь 2003; Грамматика-60; Грамматика-80]. Поскольку здесь мы рассматриваем лишь номинативные субъекты, это дополнение пока не играет для нас принципиальной роли, однако уже теперь можно сделать обобщение, что употребление деепричастия при главенствующем глаголе в пассивном залоге, ненормативно.

Тем не менее, необходимо учесть ограничение на номинатив при пассивном залоге и уточнить формулировку канона, данную в (82), то есть:

(85) контроль PRO деепричастия осуществляется подлежащим в именительном падеже из доминирующей над деепричастием клаузы, или субъект деепричастия совпадает с субъектом главного действия в именительном падеже, притом подлежащее/субъект в именительном падеже не является подлежащим/субъектом пассивного залога.

ii. Помимо канонического подлежащего в именительном падеже, эксплицитное подлежащее может быть оформлено дательным падежом: это случаи подлежащего при инфинитиве:

(86) Как бы **нам** уйти, ни с кем не прощаясь? (по [Тестелец 2001])

Отметим, что как правило подлежащее при инфинитиве не имеет поверхностного выражения. Случай в (86) наряду с такими как *миру быть!*²⁶ являются единственными контекстами, в которых подлежащее в дательном падеже может быть фонетически выражено.

Нулевой субъект. Существует также большое количество употреблений, где субъект главного действия не имеет фонетического выражения. Будучи невыраженным, субъект может оставаться номинативным. Хотя такие случаи несколько удалены от канона, они принимаются – с той или иной степенью эксплицитности – нормой, а потому входят в наш стандарт. Теперь мы перейдем к изучению различных типов нулевых подлежащих, пользуясь сведениями из [Тестелец 2001], а также основываясь на подробной классификации, предложенной в [Мельчук 1974].

iii. Анафорическое местоимение, или про:

(87) К ночи **Ø** стали в лесу, не **разнуздывая** коней, не **зажигая** огня (А.Н.Толстой, по [Грамматика-80])

Предложения вида (87) традиционно называются определенно-личными: в них всегда возможна подстановка фонетически выраженного местоимения или полной именной группы (см. об этом [Тестелец 2001: 307]), а референт подлежащего в них легко устанавливается из контекста. Важно при этом, что даже при отсутствии контекста возможно установить согласовательные признаки данной нулевой единицы: будучи подлежащим, про контролирует глагольное согласование. В случае нашего примера нулевое подлежащее имеет признак множественного числа, признак лица здесь определить невозможно в силу омонимии форм множественного числа в прошедшем времени, однако множество воз-

²⁶ В подобных предложениях, однако, присоединение деепричастного оборота невозможно, ср. **миру быть, делая всех счастливыми*.

возможных вариантов здесь определено: первое, второе или третье лицо. В предложении (86) субъект деепричастных оборотов совпадает с грамматическим субъектом главного предложения.

iv. Частный случай pro: обобщенно-личный Ø

(88) Но мне кажется, что каждый раз, выпадая из обыкновенной жизни, немного умираешь. [Людмила Улицкая. Путешествие в седьмую сторону света // Новый Мир, № 8-9, 2000]

Обобщенно-личный Ø обладает собственной семантикой: данный нулевой субъект всегда восстановим в виде местоимения второго лица единственного числа *ты*. Обобщенно-личное значение является одним из частных значений данного местоимения, которое в частности манифестирует при нулевом фонетическом выражении.

v. Подлежащее нефинитных форм глагола, или PRO:

(89) Нужно было Ø восстановить станцию, **не прекращая** научных исследований. (по [Грамматика-80])

(90) Виден человек, Ø идущий прямо к самолету, приветливо **крича** что-то слышимое за шумом мотора. (А.Каплер, по [Грамматика-80])

Хотя, как правило, при нефинитных формах глагола подлежащее не может быть выражено фонетически, в современных и традиционных теориях в таких случаях принято постулировать нулевое подлежащее (подробно об аргументах в пользу этого постулата и о вопросе нулевых подлежащих вообще см. [Тестелец 2001: 287-307]), в терминах порождающей грамматики – PRO. Не имея фонетического выражения (что является одним из конституирующих признаков нулевого подлежащего данного вида), PRO все же имеет признак (именительного или дательного) падежа. Падеж подобного нулевого подлежащего находит поверхностное отражение при подстановке плавающего определителя/местоименного распространителя (*сам, один, оба, весь*): *нужно было **самим** (*сами) восстановить станцию, не прекращая...*; *человек, **сам** (*самому) идущий прямо к самолету, приветливо **крича**...* Так, в (89) нулевое подлежащее имеет признак дательного падежа, а в (90) – именительного.

vi. Ø_{люди}

(91) **Снявши** голову, Ø по волосам не плачут

(92) Сюда каждый день \emptyset привозят кирпич, **разгружая** его у дороги (оба примера по [Тестелец 2001])

Подобные предложения традиционно называются неопределенно-личными. В отличие от определенно-личных предложений с *pro*, в предложениях вида (92) согласовательные признаки подлежащего строго определены и не зависят от контекста: при наличии $\emptyset_{\text{люди}}$ в позиции подлежащего сказуемое всегда имеет форму множественного числа и третьего лица (последнее специфицировано при формах настоящего и будущего времен). В предложениях (91) подлежащие главной клаузы и деепричастных оборотов совпадают. В отношении предложения (91) отметим, что при обсуждении данного примера с носителем языка, последним была предложена, на наш взгляд, маргинальная интерпретация с отсутствием кореферентности подлежащих: \emptyset_i **снявши** голову, \emptyset_j по волосам не плачут (оба подлежащих при этом – $\emptyset_{\text{люди}}$). Подобная интерпретация в данном предложении представляется очень маловероятной, однако допущение носителем отсутствия кореферентности субъектов/подлежащих свидетельствует в пользу необходимости изучения данного вопроса на прочих примерах, чем мы займемся в следующем разделе.

Оговорим также ограничение: $\emptyset_{\text{люди}}$ не может выступать в роли подлежащего при пассиве: *Там $\emptyset_{\text{люди}}$ были расстреляны палачами. Это ограничение не распространяется на глаголы психологического состояния при наличии «локального определителя» (об этом см. [Булыгина, Шмелев 1990]): Дома очарованы $\emptyset_{\text{люди}}$ ею. В последнем случае присоединение деепричастного оборота невозможно: *Дома очарованы ею, любуясь ее красотой.

Не углубляясь в семантику подобных нулевых подлежащих²⁷, отметим, что они также могут состоять в отношении кореферентности с субъектом при деепричастии или деепричастном обороте.

vii. $\emptyset_{\text{стихии}}$

(93) Машину \emptyset занесло на повороте, **развернув** поперек шоссе (по [Кибрик 1992; Тестелец 2001])

Традиционно принято называть предложения вида (93) безличными. Как и $\emptyset_{\text{люди}}$, данная нулевая единица не имеет синонимов и, тем самым, подстановка на место подлежащего какого-либо фонетического материала в именительном падеже в подобных предложениях невозможна. Тем не менее, контроль подлежащего при деепричастии осуществляется нулевым подлежащим главной клаузы. Отметим, что подстановка плавающего оп-

²⁷ Подробно об этом см. [Булыгина, Шмелев 1990]

ределителя здесь невозможна: *Машину Ø занесло на повороте, *само развернув поперек шоссе*. Этот факт обусловлен семантикой Ø_{стихий}: «то самое таинственное оно» ([Мельчук 1995: 185]), ср. также невозможность подстановки плавающего определителя в контекстах типа *порыв ветра *сам распахнул окно*, где подлежащее также обладает «стихийной» семантикой.

1.2. Сочетаемость, синтаксическая функция в предложении, таксис

Описав свойство кореферентности, мы переходим к описанию прочих свойств деепричастий на синтаксическом уровне. Поскольку в центре внимания в настоящем исследовании находится свойство кореферентности, прочим релевантным для синтаксического уровня свойствам сопоставлен один общий раздел, внутри которого мы рассмотрим каждый из типов по порядку.

1.2.1. Сочетаемость с различными глагольными формами

Деепричастие функционирует практически при всех глагольных формах. Чаще всего деепричастие сочетается с финитными глагольными формами и инфинитивом (эта частотность находит отражение, например, в выборке примеров, приведенных в предыдущем разделе в отношении кореферентности).

Сочетаемость с финитными формами:

(г) **Гуляя, он встретил** друга²⁸

Сочетаемость с нефинитными формами, а именно:

i. инфинитив *войти, поздоровавшись*, (89);

ii. причастие *бегущий, высоко поднимая ноги*, (90);

Отметим, что сочетания деепричастий с причастиями в косвенных падежах обладают низкой частотностью. В [Грамматика-80: 183] этот факт объясняется «возможностью двойного прочтения», то есть наличием неоднозначности в плане установления референции: *он_i изображал этого знакомого_j; Ø_j складывающего на груди коротенькие ручки, Ø_{i;j} замирая от беззвучного смеха* (Н. Степанов).

iii. деепричастие (94)

²⁸ Здесь и ниже для примеров, если не указано иначе: по [Грамматика-80]

(94) Когда тот вошел, помощник его докуривал шестую сигару, **бродя** по каюте, **ошалев** от дыма и натываясь на стулья (А.Грин)

В отношении последних конструкций отметим, что они встречаются значительно реже, чем канонические²⁹ – с финитным глаголом. Это обстоятельство принято объяснять тем, что при подобных употреблениях «возникает возможность неразличения подчинительных и сочинительных отношений между двумя деепричастиями» ([Грамматика-80: 183]). Добавим, что подобные употребления сильно чувствительны к линейному порядку: едва ли можно получить интерпретацию с подчинением одного деепричастия другому, если главенствующее находится в постпозиции к подчиненному, ср. *ошалев от дыма и натываясь на стулья, бродя по каюте*. В подобных случаях оба деепричастия, скорее всего, понимаются как сочиненные. Кроме того, как отмечается в [Шахматов 1941: 45; Исаченко 1954/2003: 519], «не выступая в предложении в функции сказуемого, деепричастие все же сохраняет отчетливый признак **второстепенной** сказуемости...», что указывает на семантику второстепенности действия, выражаемого деепричастием. По всей видимости, соответствующая оппозиция первостепенности бинарна и привативна, таким образом, действие, выражаемое некоторой глагольной формой, либо первостепенно, либо нет. Так, деепричастие является немаркированным членом данной оппозиции. При подчинении деепричастия деепричастию, одно из них оказывается второстепенным по отношению к другому и, таким образом, третьестепенным по отношению к главному действию. Тем самым мы фактически получаем нехарактерную тройную иерархию, сложную для интерпретации. Отметим также, что при необходимости выражения подобной градации (с тремя действиями) в русском языке, скорее всего, будут использоваться не деепричастные конструкции, где первостепенность выражается грамматически, а какие-либо другие с лексическим выражением (например, *притом что* + финитная форма глагола).

Хотя функционирование одного деепричастия при другом не обладает высокой частотностью и несколько затруднено по описанным выше причинам, такой тип сочетаемости присутствует в русском языке наряду с остальными.

Последний и наиболее интересный тип – сочетания деепричастий с существительными. В [Грамматика-80: 183, 672] отмечается, что подобные сочетания встречаются редко и существительные при этом обладают процессуальным значением: *Теплозащитные свойства покрытия основываются на **переходе** материала из твердого состояния в га-*

²⁹ Разумеется, само понятие канона, описанное выше, предполагает, что всякие прочие употребления обладают меньшей частотностью. В данном случае однако разница в частотности существенно больше, чем, например, между каноническим эксплицитным субъектом и *pro* в отношении кореферентности.

зообразное, *минуя жидкую фазу* (журн.); *прыжок пригнувшись*. Отметим, что в подобных сочетаниях могут выступать как одиночные деепричастия, так и деепричастные обороты.

В отношении отглагольных существительных здесь уместно рассматривать только одну из разновидностей, а именно имя действия, или *nomen actionis*: *прыжок пригнувшись*, *стрельба лежа*, поскольку деепричастие не сочетается с именем деятеля (*nomen agentis*): **прыгун пригнувшись*, **стрелок лежа*.

Итак, на основании данных академической грамматики в общем виде данный тип сочетаемости можно описать следующим образом:

(95) Одиночные деепричастия или деепричастные обороты могут сочетаться с отглагольным существительным, называющим действие, или процесс.

Отметим однако, что формулировка (95) допускает сочетания вида [?]*ходьба молча*, [?]*гниение, лежа в подвале*, ^{??}*драка, забыв обо всем на свете* и других, допустимость которых весьма сомнительна, однако всем им можно сопоставить предложения, где действие выражено финитным глаголом (или инфинитивом): *шел молча, гнили, лежа в подвале, они дерутся, забыв обо всем на свете*. Наличие у указанных существительных финитных коррелятов свидетельствует о том, что сомнительность сочетаний с существительными не связана с семантической сочетаемостью соответствующих глагольных лексем, а обусловлена другими факторами. На сочетаемость существительных с деепричастиями имеются ограничения, которые предстоит учесть и включить в уточненную формулировку (95).

Поставленная в данном исследовании задача не позволяет нам подробно рассмотреть вопрос сочетаемости деепричастий с существительными, поэтому мы ограничимся лишь перечислением факторов, которые, на наш взгляд, могут оказывать влияние на данную сочетаемость и диктовать ограничения.

Итак, на допустимость сочетаний отглагольного существительного с деепричастием гипотетически влияет:

- вид деепричастия: по всей видимости, деепричастия совершенного вида обладают более высокой частотностью в сочетаниях с существительными, ср. *взгляд прищурившись* vs. ^{??}*взгляд прищуриваясь*

- особенным классом внутри деепричастий несовершенного вида представляются деепричастия стативных глаголов лежа, сидя, стоя, молча, которые обладают частотной сочетаемостью, ср. *стрельба лежа, чтение стоя*
- регулярность словообразовательной модели существительного: регулярные обладают более высокой частотностью: *чтение лежа vs. ?? поцелуй лежа.*
- наличие аргументной структуры у отглагольного существительного в случае его регулярного образования: принципиально наличие валентности на подлежащее³⁰, могущее входить в отношение кореферентности с подлежащим при деепричастии.

Приведенный список факторов носит предварительный характер и нуждается в уточнении и дополнении в результате более подробного изучения вопроса сочетаемости деепричастий с существительными.

Отметим, что в случае сочетаний деепричастия с причастием низкая частотность была обусловлена возможностью неоднозначной интерпретации из-за возникающей синтаксической структуры, а в случае сочетания с деепричастием – затрудненной интерпретацией из-за семантики второстепенности, притом в обоих случаях речь шла о **категории** деепричастия. В случае сочетания деепричастия с существительным низкая частотность наблюдается, по всей видимости, не в силу семантики категории деепричастия, а в силу взаимодействия большего количества семантико-синтаксических факторов как со стороны существительного, так и со стороны деепричастия.

1.2.2. Синтаксическая функция в предложении

В современном русском языке деепричастие выступает в роли сентенциального сирконстанта ([Гестелец 2001]), или обстоятельства ([Грамматика-80]), и имеет обстоятельство-характеризующее значение при наличии в предложении глагола-сказуемого. Так, будучи глагольной словоформой³¹ и имея аргументную структуру, в соотношении с предикатом деепричастие проявляет сходство с наречием в своей синтаксической функции.

Отметим, что встречаются случаи употребления деепричастий в предикативной функции. «В просторечии, только для отдельных словоформ на *-ии* и *-вии(сь)* ... изоли-

³⁰ Подлежащее при номинализациях в русском языке не может быть выражено канонически, см. об этом подробно в [Подобряев 2008]

³¹ Подробное рассуждение о категориальной принадлежности деепричастия см. в главе III

рующихся от парадигмы глагола (см. [Грамматика-80: 302]) – (96); «В областном языке деепричастие прошедшего времени выступает в функции главного сказуемого» (см. [Шахматов 1941: 85; Пешковский 1956: 274]).

(96) Я дней десять не **мывшись был** (М.Е.Салтыков-Щедрин)

Итак, употребление деепричастия в предикативной функции носит диалектный или просторечный характер. Проникновение подобных употреблений в литературный язык связано с развитием у деепричастия значения, несколько отличного – или отдельного – от соответствующей глагольной лексемы³².

Встречаются также случаи образования деепричастной формы от безличного глагола в функции обстоятельства:

(97) Он поехал **рассветамши** (см. [Шахматов 1941: 85])

Подобные употребления исключительно редки, поскольку образование деепричастной формы от глагола, который не имеет и не может иметь субъекта, фактически противоречит пониманию семантики категории деепричастия. В данном случае, по-видимому, формой деепричастия выражается второстепенность ситуации, описываемой глаголом *рассвети*, по отношению к ситуации, выраженной в главной предикации.

Итак, в большинстве случаев деепричастие или деепричастный оборот выполняют обстоятельственно-определятельную функцию, или являются сентенциальным сирконстантом; также наблюдаются случаи, при которых деепричастие выступает в составе главного сказуемого, тем самым выполняя предикативную функцию.

Затрагивая типологический аспект, отметим, что в работе [Недялков 1990: 37] рассмотрены три различные функции, которые выполняют деепричастия: функция обстоятельства в простом предложении; функция второстепенного или однородного сказуемого; функция сказуемого придаточного предложения. Как было показано выше, русские деепричастия могут выполнять первые две из перечисленных функций (третья характерна для языков, в которых возможно отсутствие кореферентности между субъектами деепричастия и глагольной формы из главной клаузы).

В отношении типологического уровня анализа деепричастий укажем, что он лишь поверхностно включен в настоящее исследование. Подробно типология деепричастий

³² Подробно случаи выхода деепричастий из глагольной парадигмы будут рассмотрены отдельно в главе III

описана в [Haspelmath, 1995] и прочих работах того же сборника; также см. уже упоминавшуюся работу [Недялков 1990] и [Kazenin, Testelefs 2004].

1.2.3. Значение категории таксиса

В отличие от финитных форм глагола, выражающих значения категории абсолютного времени, «деепричастие передает то или иное отношение обозначаемого им действия ко времени действия, обозначаемого глаголом-сказуемым» ([Грамматика-80: 672], см. также [Шахматов 1941: 221; Исаченко 1954/2003: 520, 534; Пешковский 1956: 126; Грамматика-80: 181; Козинцева 1990: 128; Недялков 1990: 36]).

Категория относительного времени, значения которой выражают деепричастия, называется таксисом (см. об этом [Плунгян 2003: 271]). Впервые эта категория была выделена в работе [Якобсон 1972], в которой дано следующее определение: «зависимый таксис выражает различные типы отношений к независимому глаголу – одновременность, предшествование, прерывание, уступительную связь и т.п.» (см. [там же: 101]). В названной работе имплицитно утверждается, что типичной формой зависимого таксиса является деепричастие (эксплицитно это утверждение также содержится в [Недялков 1990: 36]).

Семантика таксиса, выражаемая в частности русскими деепричастиями, подробно описана в «Теории функциональной грамматики» ([Бондарко, Акимова, Козинцева 2001]). Деепричастный таксис в настоящее время изучается в русистом Н. К. Онипенко; недавно изданной монографии [Чупашева 2008] также исследованы вопросы таксиса.

Мы лишь перечислим те значения категории таксиса, которые могут выражать деепричастия. Итак, это (по [Козинцева 1990]):

предшествование действия, выраженного деепричастием совершенного вида, главному действию: *проснувшись, он встал и умылся;*

следование действия, выраженного деепричастием совершенного вида, главному действию: *вышел, хлопнув дверью;*

одновременность действий, выраженных деепричастием и главенствующим глаголом: *отвечая на вопрос, он волновался.*

1.3. Обобщение синтаксического стандарта

Подведем итоги и приведем краткую формулировку синтаксического стандарта:

- Субъект глагольной формы, выражающей главное действие при деепричастии:
 - эксплицитный
 - в номинативе (канонический случай)
 - в дативе при инфинитиве
 - имплицитный (не имеющий фонетического выражения)
 - эллидированная ИГ или существительное в номинативе
 - анафорическое местоимение, или pro
 - обобщенно-личный Ø (формально частный случай pro)
 - PRO при нефинитных формах глагола в номинативе или дативе при инфинитиве
 - Ø_{люди}
 - Ø_{стихии}
- при активном залоге в доминирующей над деепричастием клаузе.
- Сочетаемость. Деепричастие может определять
 - финитные глагольные формы
 - нефинитные глагольные формы
 - инфинитив
 - причастие
 - деепричастие
 - существительные
 - наречия
- Синтаксическая функция деепричастия в предложении
 - обстоятельственная
 - предикативная
- Значения категории таксиса, выражаемые деепричастиями
 - предшествование главному действию (деепричастия совершенного вида)
 - следование за главным действием (деепричастия совершенного вида)
 - одновременность главному действию (деепричастия несовершенного вида)

Итак, все случаи, не удовлетворяющие представленному выше списку, будут последовательно рассмотрены в следующем разделе, посвященном отклонениям от синтаксического стандарта.

2. Отклонения от синтаксического стандарта

В настоящем разделе мы опишем отклонения от синтаксического стандарта, сформулированного в предыдущей главе. Сначала мы рассмотрим два типа отклонений, связанных с ограничением на пассивный залог в главной клаузе: ниже будет показано, что это ограничение соблюдается не всегда (см. 2.1). Затем мы рассмотрим отклонения, при которых подлежащее при деепричастии кореферентно не подлежащему доминирующей над ним клаузы, а какому-либо другому члену предложения, которое можно при определенных допущениях называть субъектом (см. 1.1).

Поскольку, как было указано выше, в центр нашего внимания на синтаксическом уровне попадает свойство кореферентности, в настоящем разделе мы будем изучать отклонения от стандарта, подробно сформулированного для этого свойства. Ниже мы рассмотрим случаи кореферентности субъекта действия, выраженного деепричастием, субъектам, не удовлетворяющим нашему стандарту.

Материал, привлеченный к рассмотрению ниже, будет взят в основном из Национального корпуса русского языка (ниже – Корпус) и дополнен наблюдениями из области современного языка.

В настоящий момент поиск по основному корпусу при изучении деепричастий на синтаксическом уровне не может дать полностью исчерпывающего и состоятельного результата. Например, для изучения ограничения на пассивный залог в доминирующей клаузе был введен пробный запрос «страдательный залог» на расстоянии до 6 словоупотреблений от деепричастия. Выдача представляет собой подкорпус из 99839 вхождений, среди которых большинство употреблений с пассивом, не имеющим синтаксической связи с деепричастием. Такое обстоятельство связано, разумеется, с тем, что в основном корпусе, помимо грамматических и семантических параметров поиска, можно задать лишь расстояние между искомыми словоформами. Поскольку параметры поиска по основному Корпусу не позволяют задать синтаксических отношений, интересующие нас конструкции в выдаче по указанному запросу составляют лишь небольшой процент. По этой причине мы обратимся к синтаксическому Корпусу, снабженному также синтаксической разметкой.

В отношении синтаксического Корпуса необходимо отметить, что он содержит не все типы отклонений, наблюдаемые в русском языке. Это обстоятельство, по всей види-

мости, объясняется тем, что синтаксический Корпус находится в состоянии разработки и сбалансирован не полностью.

По этой причине к анализу привлекаются употребления, извлеченные из общего корпуса деепричастий вручную, а также наблюдения из доступных автору источников (письменных и устных, различных функциональных стилей).

2.1. Кореферентность при пассивном залоге в доминирующей клаузе

В синтаксическом Корпусе обнаруживается 34 предложения по запросу «страдательный залог с зависимым деепричастием». С полученным подкорпусом мы будем работать при изучении отклонений в области кореферентности при пассивном залоге. Выделено два типа подобных отклонений: кореферентность подлежащему при пассивном залоге (для исследования которого выделен подраздел 2.1.1), а также агентивному дополнению в пассивном залоге (подраздел 2.1.2).

С полученным подкорпусом мы будем работать, сортируя употребления по двум классам (подлежащее и агентивное дополнение при пассивной конструкции) вручную. Такое решение принимается по следующей причине: какие бы параметры поиска для уточнения запроса с последующей сортировкой примеров по двум классам мы ни выбрали, мы все равно не сможем развести случаи кореферентности субъекта деепричастия субъекту пассивной конструкции и ее агентивному дополнению, поскольку синтаксическая разметка не включает отношение кореферентности. Кроме того, при задании синтаксических отношений между интересующими нас актантами и глаголом в пассивном залоге мы исключим из выборки те употребления, где эти самые актанты выражены нулевыми элементами (в основном это важно для изучения вопроса об агентивном дополнении). Например, при задании синтаксического отношения «агентивное», мы исключаем из выдачи предложения вида (100), представляющие для нас чрезвычайный интерес.

2.1.1. Кореферентность подлежащему при пассивном залоге

Итак, несмотря на ограничения, описанные выше, в русском языке обнаруживаются случаи употребления деепричастий при пассивном залоге. Здесь нас будет интересовать ограничение на кореферентность подлежащего при деепричастии подлежащему при пассивном залоге в главной клаузе.

Рассмотрим примеры из синтаксического Корпуса.

(98) Гусинский нового лидера не принял вместе с его войной и чекистской риторикой – и **был отправлен** в тюрьму, затем в изгнание, **лишившись** своих медиаактивов. [Человек на VIP-трибуне]

(99) **Разрабатывая** стратегию глобальной ликвидации полиомиелита, авторы идеи **были окрылены** победой над натуральной оспой. [Ликвидация полиомиелита и роль вакцинных вирусов в этом процессе (2007) // «Вопросы вирусологии», 2002.10.14]

Деепричастные обороты относятся к подлежащим главных клауз *Гусинский* в (98), *авторы* в (99), притом предикаты *был отправлен* и *были окрылены* выражены пассивными конструкциями.

В отношении семантических ролей подлежащих, входящих в отношение кореферентности с подлежащим при деепричастии, отметим, что в случае (98) *Гусинский* – пациент, а *авторы* в (99) – экспериенцер.

Будучи подлежащими, *Гусинский* и *авторы* обладают наивысшим коммуникативным рангом, и с точки зрения актуального членения предложения находятся в позиции темы.

2.1.2. Кореферентность агентивному дополнению при пассивном залоге

В полученном подкорпусе обнаруживаются и примеры употребления деепричастий, подлежащее при которых кореферентно агентивному дополнению при пассивном залоге.

(100) Два года назад нами была не просто предложена, а проведена через Госсовет программа социально-экономического развития ровно с теми же показателями, **сделанная, опираясь** на рекомендации ученых Российской академии наук и поддержанная на съездах товаропроизводителей. [Новый левый]

(101) Все это делается простыми и непристойными способами подобно тому, как когда-то **создавался** прообраз партии власти "Единая Россия", **поощряя** в обществе, а главное – в подрастающем поколении беспредельный цинизм. [Служивое право]

В предложениях (100) и (101) агентивное дополнение не имеет фонетического выражения. Однако если во втором из них агенс может быть восстановлен из контекста или посредством привлечения знания соответствующего сюжета из прочих источников, то в первом из примеров агенс при пассивном причастии *сделанная* совпадает с агенсом предшествующей клаузы, имеющим фонетическое выражение: *нами*.

В плане эксплицитности агенса стоит отметить, что предложения, в которых агенс имеет фонетическое выражение, исключительно редки. В синтаксическом Корпусе подобных употреблений обнаружено не было, однако существует пример, приводимый в [Тестелец 2001: 332], в котором присутствует выраженный агенс:

(102) **Перейдя мостик, усмотрен мною** без всяких признаков жизни повесившийся труп мёртвого человека. [Чехов, «Донесение»]

Однако данное предложение представляет собой пример языковой игры, где умышленно употреблены как семантически и прагматически аномальные сочетания *повесившийся труп мертвого человека*, так и трудно интерпретируемая синтаксическая структура. Большинство носителей оценивает данное предложение как маргинальное.

Данный тип отклонения оказывается довольно редким: к нему относится лишь четыре предложения подкорпуса из 34.

2.2. Кореферентность неканоническому субъекту

2.2.1. Кореферентность единицам в дательном падеже

Проблема подлежащего в дательном падеже была рассмотрена в [Moore, Perlmutter 2000]³³. Напомним, что в подходе, предложенном в данной работе, только подлежащее в дательном падеже при инфинитиве признается «настоящим» подлежащим в поверхностной синтаксической структуре. Все прочие случаи употребления дательного падежа при различных предикатах принято считать косвенными дополнениями. Последние случаи предложено разбивать на два класса: во-первых, (в основном психологические) предикаты с экспериенцером в дательном падеже (*мне нравится...*, *мне жаль...*, *мне нужна...*) и модальные предикаты (*мне надо...*)³⁴, во-вторых, неэргативные предикаты на *-ся*, как правило, с отрицанием или наречием (*мне хорошо работается*, *мне не спится*) (см. [там же: 383,384]).

Был обнаружен ряд примеров с кореферентностью подлежащего при деепричастии и единиц в дательном падеже, которые в названной работе считаются косвенными дополнениями. Предложения (103) и (104) иллюстрируют кореферентность при неэргативных глаголах, предложение (105) – при психологическом предикате.

³³ Некоторые аргументы, приводимые в данной статье, были оспорены (например, Халлдором Сигурдссоном).

³⁴ Напомним, что в нашем стандарте в случаях вида *Мне надо уйти* у инфинитива усматривается собственное подлежащее. При наличии деепричастия в подобных предложениях именно подлежащее при инфинитиве входит в отношение кореферентности с подлежащим при деепричастии.

(103) **Вспоминая** эти замечательные встречи, **мне** думается, что они были для меня отличной школой. [Челябинский рабочий] (по [Ицкович1982])

(104) Лучше чем **лежа** на животике, **уткнувшись** носом в подушку, **мне** не спится. [Ruforum.de (2008)]

(105) Я ничего по этому поводу не считаю. **Сидя** дома/ **мне** всё равно/ в НАТО я/ не в НАТО. [Беседа в Новосибирске (2004)]

(106) **Находясь** в Германии, это не очень приятно. [Из телефонного разговора]

В предложениях (103) – (106) наблюдается кореферентность подлежащего при деепричастии и косвенных дополнений в дательном падеже с ролью экспериенцер.

В первых трех примерах экспериенцер имеет фонетическое выражение, в последнем – имплицитен. Невыраженное косвенное дополнение в (106) здесь можно называть $\emptyset_{\text{любой}}$ (по терминологии [Мельчук 1974]), поскольку утверждение в (106) носит универсальный характер (*≈ это не очень приятно всякому, находясь в Германии*).

Отметим, что в случаях с подобными предикатами в [Мельчук 1974] усматривается нулевое подлежащее $\emptyset_{\text{личность}}$ (эта нулевая единица однако не заполняет никакой актанта валентности глагола-сказуемого). По причине отсутствия у данной нулевой единицы означаемого и наличия лишь селективных свойств в [Тестелец 2001: 313] она обозначается к $\emptyset_{\text{зл. ср. род}}$. Согласно нашему представлению о стандарте референция подлежащего при деепричастии устанавливается с подлежащим доминирующей над ним клаузы. Таким образом, в случае примеров (103) – (106) мы должны были бы ожидать кореферентности $\emptyset_{\text{зл. ср. род}}$ и подлежащего при деепричастии. Однако, как было показано выше, у данной нулевой единицы, занимающей позицию подлежащего в главной клаузе, нет референта, что делает кореферентность невозможной. В силу данного обстоятельства установление кореферентности между экспериенцером в дательном падеже и подлежащим при деепричастии можно объяснять тем, что экспериенцер – актанта с наивысшим коммуникативным рангом, наиболее значимый партиципанта и, тем самым, первый из кандидатов на контроль референции подлежащего при деепричастии, притом что «стандартный» кандидат – подлежащее главной клаузы – не имеет референта.

Итак, мы показали, что субъект действия, выраженного деепричастием, также может состоять в отношении кореферентности с единицами в дательном падеже.

2.2.2. Кореферентность единицам в родительном падеже с предлогом у

Еще одним типом отклонения является кореферентность подлежащего при деепричастии и предложной группы (у + существительное/местоимение/ИГ в родительном падеже). Подробно семантические и синтаксические свойства подобных конструкций описаны в [Вайс 1999].

(107) — **Читая** ваши романы, **у меня** сложилось впечатление, может быть ошибочное, что вам симпатичен не только сыщик, но и преступник. [Читая Бориса Акунина (2003) // «Вестник США», 2003.07.23]

В предложении (107) референт подлежащего деепричастного совпадает с референтом предложной группы *у меня*, называющей участника с ролью экспериенцер. Грамматическим субъектом в (107) является существительное в именительном падеже – *впечатление*, которое с точки зрения семантических ролей можно охарактеризовать как тему. Актант *впечатление* обладает теми приоритетными признаками, которыми в нашем описании стандарта обладает контролер референции подлежащего при деепричастии. Тем не менее, единственно возможная интерпретация предложения (107) предполагает кореферентность с экспериенцером. Анализируя данное предложение с коммуникативной точки зрения, отметим, что участник, выраженный предложной группой, является, во-первых, фокусом эмпатии, а во-вторых, совпадает с субъектом модуса.

Схожую с коммуникативной и синтаксической точки зрения ситуацию наблюдаем в (108):

(108) **Сидя у меня** мысль ещё хуже развивается. [А. П. Платонов. Котлован (1930)]

К этому же типу отклонения относится и хрестоматийный пример *Подъезжая к своей станции и глядя на природу в окно, у меня слетела шляпа* (Чехов, «Жалобная книга»), традиционно приводящийся для иллюстрации аномального употребления деепричастия.

Отметим однако, что нетривиальность данного примера несколько отличается от предложений (107), (108), рассмотренных выше. Хрестоматийный пример о шляпе аномален, поскольку ситуации, описываемые в деепричастном обороте и в доминирующей над ним клаузе, имеют лишь темпоральную связь. Напротив, в предложениях (107) и (108) существует метонимическая связь между подлежащим предложения и субъектом, находящимся в отношении кореферентности с подлежащим при деепричастии (*впечатление* и *мысль* как части субъекта 'у меня')

2.2.3. Кореферентность элементу в винительном падеже

Подобные употребления существенно менее частотны, чем все рассмотренные выше.

(109) а. **Приехав** в город, **меня** встретили родные (по [Земская 1996])

б. ??**Меня** встретили родные, **приехав** в город³⁵.

В (109а) подлежащим деепричастного оборота является тот же участник ситуации, который в главной клаузе выступает в качестве прямого дополнения в винительном падеже *меня*.

Отметим, что допустимость этого предложения связана, по всей видимости, с его коммуникативными особенностями. Актант *меня* оказывается в позиции темы и обладает более высоким коммуникативным рангом, чем грамматический субъект предложения *родные*.

Кроме того, играет роль и линейный порядок: аналогичное предложение с деепричастным оборотом в постпозиции едва ли может быть проинтерпретировано так, чтобы субъект деепричастия был кореферентен элементу в аккумулятиве. Как раз в случае (109б) мы получим интерпретацию, формально отвечающую стандарту: контролером PRO деепричастия окажется подлежащее главной клаузы в именительном падеже, однако содержательно такая интерпретация окажется неверной.

Возможны и употребления с экспериенциальным субъектом в винительном падеже при наличии нулевого подлежащего $\emptyset_{зл. ср. род}$ – случаи кореферентности с экспериенцером нам уже встречались в 2.2.1 (экспериенцер в дативе).

(110) ?**Меня** трясло, **глядя** на весь этот спектакль [из телефонного разговора]

Данный тип отклонения представляется наиболее маргинальным из всех рассмотренных.

2.4. Обобщение: нестандартные субъекты

Итак, при нестандартной кореферентности субъект главного действия может быть единицей:

³⁵ Здесь мы не обсуждаем приемлемость данного предложения с прагматической точки зрения (насколько нормальна ситуация, описываемая в предложении), поскольку нас интересует лишь вопрос интерпретации кореферентности. Знаки вопроса в начале предложения отражают сомнительный характер этого предложения с точки зрения синтаксиса.

- в именительном падеже при пассивном залоге
- в дательном падеже
- в родительном падеже с предлогом *у*
- в винительном падеже
- в творительном падеже – агентивное дополнение при пассивном залоге
- в имплицитной клаузе вида *я считаю/я констатирую* (при вводных конструкциях типа *грубо говоря* и предложных типа *учитвая...*)

IV Категориальный статус и лексическая семантика деепричастий

Настоящая глава будет посвящена исследованию лексико-семантических и категориальных свойств деепричастий. Как будет показано ниже, эти два типа свойств деепричастий тесно связаны: в случае наличия у деепричастий собственного, отдельного от глагола, категориального статуса, мы будем говорить о деепричастиях как о лексемах, в противном случае (если относить деепричастие к категории глагола) мы будем считать деепричастие словоформой глагола. В зависимости от выбора той или иной точки зрения на категориальный статус деепричастий мы будем рассматривать их лексико-семантические свойства либо независимо, либо как частный случай проявления лексико-семантических свойств соответствующих глагольных лексем.

В первую очередь мы исследуем вопрос категориального статуса деепричастий, а затем рассмотрим лексико-семантические особенности деепричастий. В рамках нашей модели стандарта можно понимать выбор категориального статуса деепричастий и соответствующий ракурс (см. выше) рассмотрения лексико-семантических свойств деепричастия как выявление стандарта на категориальном и лексико-семантическом уровнях соответственно. В разделе 1 будет сформулировано определение стандарта на указанных уровнях анализа, в 2 будут изучены отклонения.

1. Стандарт: категориальный статус деепричастий

Вопрос категориальной принадлежности деепричастия неоднократно поднимался, и на него существуют прямо противоположные ответы. Существует два принципиально разных взгляда на категориальный статус деепричастия: деепричастия как часть глагольной парадигмы vs. деепричастие как пограничная часть речи между наречием и глаголом. Ниже будут по очереди рассмотрены и прокомментированы существующие точки зрения, а затем будет осуществлен аргументированный выбор одной из них.

1.1. Деепричастие как пограничная категория

Известно и широко распространено понимание деепричастия как некоторой пограничной, смешанной части речи, стоящей между глаголом и наречием. Такой подход к определению деепричастия встречается в основном у классиков русистики и в более ранней академической грамматике: в работе [Пешковский 1956] («смешанная часть речи»); **гибридной наречно-глагольной категорией** называется деепричастие в [Виноградов 1986]; в [Грамматика-60] соответствующий раздел начинается словами «**деепричастие совмещает в себе признаки глагола и наречия**» (см. [там же: 520]).

Аргументом в пользу такой позиции обычно является, с одной стороны, сходство деепричастия с наречием: «не имеет форм словоизменения и примыкает к глаголу» ([там же: 520]), с другой, «сходство»³⁶ с глаголом: «оно (деепричастие – *В. К.*) обладает категорией вида, возвратными и невозвратными формами и сохраняет глагольное управление». В том же источнике отмечается «тенденция к усилению значения качественности и ослабления с возможной утратой значений вида, времени и способности глагольного управления».

В отношении последнего в работе [Исаченко 1954/2003: 519] приводится, на наш взгляд, справедливое замечание о том, что неправомерно считать, что «творительный падеж, бесспорно «имеющий тенденцию» утрачивает значения падежа и переходит в ряд наречий (*ср.* сидеть *верхом, вечерами*) «совмещает» в себе признаки существительного и наречия, являясь «гибридной наречно-номинальной категорией».

Подобная дихотомия признаков деепричастия, безусловно, небезосновательна и каждый из перечисленных выше источников приводит объяснения такой позиции (хотя, как было показано выше, далеко не всякое объяснение представляется исчерпывающим и неоспоримым). Однако на этапе классификации слов по частям речи такой подход вызывает следующую трудность: постулируя отдельную (смешанную, гибридную) категорию деепричастия, находящуюся между категориями глагола и наречия, мы увеличиваем количество границ между категориями. Если при отсутствии отдельной категории деепричастия мы сталкиваемся с трудностями распределения деепричастий по двум классам (глагола и наречия), то при наличии подобной отдельной категории, количество трудностей увеличится ровно вдвое: мы столкнемся с необходимостью распределения деепричастий по трем категориям: глагол³⁷, собственно категория деепричастия и наречие. В силу данного обстоятельства постулирование отдельной категории деепричастия не упрощает задачу отнесения деепричастий к той или иной части речи.

Учитывая некоторое имплицитное стремление к единству и универсальности таксономии частей речи и к типологической адекватности, мы обратимся к другому, с нашей точки зрения, более однозначному подходу.

³⁶ Точнее было бы говорить о **проявлении** или сохранении признаков глагола, поскольку факт, что деепричастие образовано от глагола, все же не оспаривается. В названных источниках, однако, «глагольные» признаки рассматриваются с того же ракурса, что и «наречные», что, вероятно, в итоге и приводит к некоторой непоследовательности – см. ниже.

³⁷ Можно считать, что при подобном решении деепричастия не попадают в класс глаголов. В таком случае мы все равно сталкиваемся с границей между двумя классами – деепричастий и наречий, – что никак не меняет исходной ситуации с двумя классами глаголов и наречий.

1.2. Деепричастие как часть глагольной парадигмы

Другой точкой зрения на категориальную принадлежность деепричастий является отнесение их к глагольной парадигме. Так, [Грамматика-80: 672] утверждает, что деепричастие – «атрибутивная форма глагола, в которой совмещаются значения двух частей речи», притом развитие адвербиальных значений **не выводит деепричастия за пределы глагольных форм**. В [Исаченко 1954/2003: 519] говорится: «... мы считаем, что деепричастие не является «гибридной категорией», не стоит «между двумя частями речи», а **остаётся частью глагольной парадигмы**». В [Козинцева 1990: 128] деепричастие определено как **нефинитная форма глагола**, то же мнение представлено в хрестоматийном издании [Русский язык 2004: 338] («особая **форма глагола**») и имплицитно в [Тестелец 2001: 266] («**нефинитные формы глагола**, возглавляющие сентенциальные сирконстанты, называются деепричастиями»).

Кроме того, приведем еще одно соображение: решая вопрос о категориальной принадлежности деепричастий, мы фактически решаем вопрос о том, является ли деепричастие словоформой глагольной лексемы или самостоятельной лексемой. Для разрешения последнего вопроса воспользуемся определением лексемы, данным в [Зализняк 1967/2002: 27-28]: «Практически мы будем решать вопрос о границах лексемы <...> в соответствии с лексикографической традицией, а именно, мы будем считать, что каждая словарная статья словаря-источника отражает самостоятельную лексему и притом ровно одну». Факт, что среди статей толковых и грамматических словарей нет отдельных словарных входов для деепричастий, свидетельствует в пользу понимания деепричастия как части глагольной парадигмы. Кроме того, это означает, что толкование деепричастной формы совпадает с толкованием соответствующей глагольной лексемы, что достаточно точно отражает положение дел: в обычном случае при поиске лексического значения того или иного деепричастия в словаре мы обратимся к толкованию глагольной лексемы, от которой образовано данное деепричастие. Только в том случае, если толкование глагольной лексемы не отражает лексического значения деепричастия, мы будем нуждаться в наличии отдельного словарного входа с толкованием деепричастия.

1.3. Обобщение: категориальный и лексико-семантический стандарт

В силу только что приведенных аргументов и вслед за работами, перечисленными в 1.2, мы формулируем категориальный стандарт деепричастий следующим образом: **деепричастие является частью глагольной парадигмы, или представляет собой словоформу глагольной лексемы**. Признание деепричастия словоформой глагольной лексемы

означает, во-первых, на синтаксическом уровне, что деепричастие проявляет конституирующие свойства глагола (в первую очередь, управление, аргументная структура) и, во-вторых, на лексико-семантическом, что ему сопоставляется то же толкование, что и глагольной лексеме. Последнее обстоятельство позволяет сформулировать лексико-семантический стандарт для деепричастий: **в стандартном случае деепричастие имеет то лексическое значение, которое имеет соответствующая глагольная лексема.**

2. Отклонения от стандарта на лексико-семантическом и категориальном уровнях

О категориальных отклонениях. Итак, под категориальными отклонениями мы понимаем выход деепричастия из глагольной парадигмы, или депарадигматизацию. Поскольку категория части речи в русском языке представляет собой единство морфосинтаксических признаков, справедливо утверждать, что депарадигматизация деепричастия представляет собой отсутствие проявления тех или иных морфосинтаксических признаков глагола и проявление признаков другой частеречной категории. Таким образом, можно констатировать тесную связь между категориальными и синтаксическими свойствами.

Приведем для сравнения частично затронутые выше случаи депарадигматизации существительных в творительном падеже. Во-первых, существуют такие единицы, как *утром*, относящиеся к парадигме существительного *утро* (*я восхищен этим утром*), однако явно проявляющее собственные сочетаемостные и категориальные свойства в отличие от прочих членов парадигмы, ср. *утром со мной нельзя разговаривать* (можно говорить, что *утром* «тяготеет» к категории наречия). Во-вторых, существуют единицы типа *верхом*, сильнее отстоящие от парадигмы существительного, чем в первом случае. Это, помимо сдвига в лексическом значении и сочетаемости, выражается и в переносе ударения, несвойственного данной акцентной парадигме (*вѣрхом*³⁸ vs. *верх□м*). Ср. употребление *это можно считать вѣрхом остроумия* и *я не люблю ездить верх□м*. Наконец, в-третьих, существуют единицы типа *пешком* – случаи полной депарадигматизации, обусловленные выходом из употребления соответствующей лексемы. В последнем случае связь с лексемой-родителем может устанавливаться интуитивно и по аналогии со случаями типа *утром* и *верхом*, однако на синхронном уровне связь отсутствует.

Только что мы рассмотрели три самых ярких примера депарадигматизации существительных в творительном падеже. Отметим, однако, что шкала депарадигматизации кон-

³⁸ Данная словоформа проявляет такие же свойства, как и *утром*, ср. *здесь лучше пройти вѣрхом (чем низом)*.

тинуальна и многие депарадигматизованные элементы обладают рядом индивидуальных особенностей. Здесь нашей целью не является изучение депарадигматизации как таковой; мы исследуем лишь случаи депарадигматизации деепричастий. Поскольку, как было показано выше, явление депарадигматизации тесно связано с синтаксическими и лексико-семантическими свойствами, которые в свою очередь определенным образом коррелируют с категориальными, мы будем рассматривать отклонения от стандарта на соответствующих языковых уровнях совместно.

О лексико-семантических отклонениях. При нашем понимании стандарта отклонениями мы будем считать все случаи проявления деепричастием лексического значения, в той или иной степени отличающегося от лексического значения глагольной лексемы-родителя. Процесс развития единицами языка какого-либо лексического значения трудно поддается дискретизации, однако нам все же предстоит выделить классы отклонений в рамках последовательного исследования. Мы предлагаем выделять классы отклонений на основании степени лексико-семантической связи деепричастия с глагольной лексемой: от высокой до низкой. Разумеется, выделение классов на основании критерия степени связи носит условный характер; едва ли каждый конкретный случай изменения в области лексического значения может быть однозначно отнесен к тому или иному классу. Последнее обстоятельство связано с континуальным характером процесса развития и изменения лексического значения. Поскольку в настоящем исследовании лексико-семантический уровень не находится в самом центре нашего внимания, классификация отклонений здесь носит скорее предварительный характер; в дальнейшем классификация может быть уточнена и/или снабжена дополнительными критериями.

Итак, мы переходим к непосредственному рассмотрению случаев лексико-семантических и категориальных отклонений деепричастий. К анализу будут привлечены языковые употребления из Корпуса.

2.1. Высокая степень связи с глагольной лексемой-родителем

В данный класс попадают такие деепричастные образования, лексическое значение которых в высокой степени связано лексическим значением глагольных лексем, от которых они образованы. Высокая степень связи усматривается тогда, когда лексическое значение деепричастия выводимо из лексического значения глагольной лексики на синхронном уровне путем немногочисленных операций.

К данному классу можно отнести одиночные деепричастия *лежа*, *сидя* и *стоя*, а также *полулежа* и *полусидя*, каждое из которых имеет самое прямое отношение к глаголь-

ной лексеме-родителю, однако в отличие от нее обозначает не состояние субъекта, а его положение в пространстве. Отметим, что на синхронном уровне функционируют и категориально стандартные деепричастия; они отличаются от обсуждаемых тем, что также проявляют валентность на сирконстант с локативным значением. Сравним примеры из Корпуса:

(110) Полковник Сербиченко хворал и, **лежа** на койке у окна, слушал доклад начальника штаба. [Э. Г. Казакевич. Звезда (1946)]

(111) Причём авангардист довольно необычный — если можно так выразиться. Играет на виолончели **лежа**... [Сергей Довлатов. Наши (1983)]

Деепричастный оборот в предложении (110) может быть заменен на финитную клаузу с глаголом *лежать*, при этом предложение будет описывать все ту же ситуацию: ... *пока лежал на койке у окна, слушал*... Так, сохраняются и таксисные свойства деепричастия: в предложении описывается одновременность **двух** ситуаций. В предложении (111) такая замена невозможна, ср.: **играет на виолончели, пока/в то время как лежит*. Если такое предложение можно считать грамматичным, то, по крайней мере, нельзя утверждать, что оно описывает то же положение дел: в измененном варианте перед нами одновременность двух ситуаций. В предложении (111), тем временем, возможно дополнение: *играет на виолончели в положении лежа*; в предложении (110) такая замена представляется невозможной: ?? *в положении лежа на койке, слушал*...

Так, можно констатировать частичное категориальное отклонение: утрачивая синтаксические свойства глагола, данные деепричастия переходят в разряд наречий (см. их наличие в словаре [Зализняк 1977]).

Типологически так называемые глаголы позиции проявляют интересные свойства в плане категориальности: могут подвергаться грамматикализации и участвовать в серийных конструкциях – см. об этом монографию [Майсак 2005].

Сюда же относится и деепричастное образование *молча*, категориально стандартный вариант которого употребляется редко: ?? *молча об этом* (ср. также [Пешковский 1956: 147]). Отметим, что все рассмотренные выше деепричастные формы нестандартны с акцентной точки зрения (хотя в нашей работе акцентные свойства не рассматриваются отдельно): ср. «ударение в деепричастиях с суффиксом. -а (-я) сохраняется на том же слоге, что и в форме 1 л. ед. ч. наст. вр. глаголов» ([Грамматика-80: 696]).

Деепричастное по своей природе наречие *нехотя* утратило глагольное управление, а именно валентность на прямое дополнение. Отметим также его орфографическую и акцентную нестандартность: отрицательная частица *не-* пишется слитно стоит под ударением.

Деепричастия *включая, выключая, исключая, благодаря, смотря, начиная, исходя, судя* отходят от глагольной парадигмы и развивают новые значения, во-первых, в плане лексической семантики, а во-вторых, в плане грамматической семантики. При употреблении данных деепричастий наблюдаются также отклонения на уровне синтаксиса, а именно нестандартная кореферентность:

(112) Действие полиса распространяется по всему миру, **исключая** СНГ. [Татьяна Ливенкова. На всякий случай (2001) // «Туризм и образование», 2001.03.15]

(113) Вроде да, вроде нет — **смотря** кого называть интеллигенцией. [Вадим Крейд. Георгий Иванов в Йере // «Звезда», № 6, 2003]

(114) При этом на сумму задолженности начисляются проценты **исходя** из ставки, равной одной второй ставки рефинансирования ЦБ РФ. [Недостроенное жилье и земельный налог (2004) // «Бухгалтерский учёт», 2004.12.06]

(115) **Благодаря** такому разумному подходу его группе удалось завершить свою работу раньше других. [Наталья Дубова. Орбита Лаврова // «Computerworld», № 29, 2004]

В отношении деепричастного образования *благодаря* следует отдельно отметить, что оно управляет дательным падежом. Этот факт объясняется диахронически: глагол *благодарить* в современном русском языке функционирует как переходный, однако ранее управлял дательным падежом³⁹ (см. пример (116), относящийся к XVIII веку). Таким образом, можно говорить о том, что депарадигматизация деепричастия *благодаря* произошла достаточно давно. На синхронном уровне подобное управление можно считать синтаксическим отклонением.

(116) Благодарю **небу** за мое пропитание, которое сегодня доставал я с великим успехом. [Д. И. Фонвизин. Разговор между волком и лошадей (1788)]

Некоторые из данных деепричастий – самостоятельно (*включая, выключая, исключая*), некоторые – в сочетании с непроизводными предлогами выступают в нестандартном

³⁹ В современном немецком языке, однако, соответствующий глагол управляет дательным падежом: *ich danke dir*, ‘я благодарю тебя’. Эквивалент русского предлога *благодаря*, этимологически связанный с немецким глаголом *danke*, также управляет дативом: *dank uns* ‘благодаря нам’.

с точки зрения категориальности виде, а именно в виде предлогов: *смотря по*, *начиная с*, *исходя из*, *судя по*. Сюда же относятся предлоги *несмотря на* и *невзирая на*, характеризующиеся также нестандартной орфографией: отрицательная частица *не-* с ними пишется слитно, что нехарактерно для глагольных форм.

В отношении деепричастия *невзирая* в составе предлога *невзирая на* отметим также, что оно является устаревшим вариантом *несмотря на*, однако устаревшей является и глагольная лексема *взирать*, от которой образовано данное деепричастие.

Лексически нестандартное деепричастие *судя*⁴⁰ с ударением на первом слоге примечательно в плане акцентных свойств.

2.2. Средняя степень связи с глагольной лексемой-родителем

Средняя степень связи усматривается тогда, когда лексическое значение деепричастия сопоставимо с лексическим значением глагольной лексемы на синхронном уровне, однако связь не очевидна.

Рассмотрим предложения из Корпуса:

(117) Он всё делал **шутя**, быстро, без труда. [Василий Гроссман. Жизнь и судьба, часть 2 (1960)]

Деепричастие *шутя* здесь может быть истолковано как ‘легко’, ‘без труда’, хотя глагол *шутить* не имеет подобного значения (ср. «действие с компонентами значения ‘весело’, ‘ради забавы’ » в [Ушаков 1935]). Настолько же отличается, например, толкование деепричастия *смеясь* (*она идет по жизни смеясь*) от толкования глагола *смеяться*. Отметим, что для обоих рассмотренных деепричастий существуют и лексически стандартные варианты, ср. *громко шутя*, *громко смеясь*.

(118) Таня освоила специальность гистологического лаборанта **играючи** — дело тонкое и кропотливое, в котором всё ей нравилось. [Людмила Улицкая. Путешествие в седьмую сторону света // Новый Мир, № 8-9, 2000]

Деепричастие *играючи* имеет значение очень близкое к приведенному в случае *шутя*. Отметим также, что глагол *играть* предполагает наличие прямого дополнения, которое обычно отсутствует при употреблении *играючи* в указанном значении, то есть, помимо лексико-семантической нестандартности, в данном случае можно констатировать и

⁴⁰ Также акцентно нестандартны деепричастия *лежа*, *сидя*, *стоя* (и производные от них с приставкой *полу-*), *молча*, которые будут рассмотрены отдельно с точки зрения категориальности.

синтаксическую: деепричастие не имеет синтаксических валентностей глагольной лексики. Так, в силу характера лексического значения, проявляемого деепричастием *играючи*, и утраты им синтаксических свойств глагола можно говорить о депарадигматизации деепричастия и его оформлении в наречие. Таким образом, в данном случае мы имеем дело и с категориальной нестандартностью: деепричастие *играючи* не является словоформой глагола *играть*, а является самостоятельной наречной лексемой.

Отметим также, что обсуждаемое деепричастие нестандартно и с морфологической точки зрения: стандартное деепричастие от глагола *играть* – *играя*. Примечательно, что на синхронном уровне функционируют обе деепричастные формы, однако морфологически стандартная *играя* – деепричастие-словоформа, в то время как *играючи* – деепричастие-лексема с отдельным от глагола толкованием. Так, в данном случае можно говорить о корреляции отклонений на разных языковых уровнях; деепричастие *играючи* нестандартно с точки зрения всех привлеченных к рассмотрению уровней: морфологического, синтаксического, семантического и категориального.

Аналогичный набор нестандартных свойств наблюдается у деепричастия *припеваючи* (морфологически стандартный вариант – *припевая*, лексическое значение ‘очень хорошо’, ‘в довольстве’ (по [Ушаков 1935]), утрата аргументной структуры глагола), которое, тем самым, нестандартно категориально и функционирует в рамках категории наречия.

Такое же количество отклонений обнаруживается у деепричастия *отступя*, морфологически нестандартного варианта формы *отступив*, утрачивающего глагольное управление и не проявляющего лексического значения глагола *отступить*. Деепричастие *отступя* функционирует как предлог (*отступя три шага*) или наречие (*начать строку отступя*), проявляя тем самым категориальную нестандартность.

Редко встречающееся деепричастное образование *не обинуясь* (только с отрицанием – см. (119)) также обладает собственным лексическим значением, однако собственным в том смысле, что глагольная лексема-родитель вышла из употребления и, тем самым, лексическое значение деепричастного образования не может быть сопоставлено с ней на синхронном уровне.

(119) Раз она **не обинуясь**, без всяких оговорок направляется в Варыкино, следовательно, его семьи там нет. [Б. Л. Пастернак. Доктор Живаго (1945-1955)]

2.3. Низкая степень связи с глагольной лексемой-родителем

В данный класс попадают такие деепричастные образования, лексическое значение которых в невысокой степени связано лексическим значением глагольных лексем, от которых они образованы. О невысокой степени связи можно говорить тогда, когда лексическое значение деепричастия не сопоставимо с лексическим значением глагольной лексики на синхронном уровне по различным причинам, которые будут приведены ниже.

Рассмотрим примеры из Корпуса:

(120) Андрей Новиков — человек талантливый, и, наверное, не **зря** его полюбила моя дочь. [И. Э. Кио. Иллюзии без иллюзий (1995-1999)]

Деепричастное образование от глагола *зреть* в предложении () употребляется в значении '*напрасно*', которое не может отождествляться с глаголом *зреть*. Отметим, во-первых, что данная глагольная лексема в современном языке имеет архаический характер, тогда как деепричастное образование *зря* свободно функционирует в приведенном значении. Как раз по причине архаического статуса глагольной лексики в данном случае невозможно говорить о связи ее лексического значения со значением деепричастного образования на синхронном уровне. Помимо нового лексического значения, деепричастие *зря* утратило аргументную структуру глагольной лексики (валентность на прямое дополнение) и свойство кореферентности, что свидетельствует о ее нестандартности также на синтаксическом уровне. В результате депарадигматизации и утраты синтаксических свойств наблюдается категориальное отклонение деепричастия *зря* и ее оформление в наречную лексику.

Наконец, самым «сильным» лексико-семантическим отклонением можно считать случай деепричастного образования *хотя* в уступительном значении – см. (121). Восстановление формальной связи с глагольной лексемой-родителем здесь возможно лишь по причине их формального морфологического сходства и наличия синхронного парадигматического деепричастия *хотя*, впрочем, очень малоупотребительного: в Корпусе самое позднее употребление парадигматического *хотя* относится к 1857 году – см. (121), также оно редко встречается в разговорной речи – см. (123).

(121) Национальный элемент — только одна из природных данностей, и о нем, как об отдельном, надо забыть, **хотя** он есть и вечно будет. [М. О. Гершензон. Судьбы еврейского народа (1922)]

(122) Не раз слышалось обвинение на славянофилов, что они хотят возвратиться назад, не **хотя** идти вперёд. [К. С. Аксаков. Статья в газету «Молва», № 6, 18 мая 1857 г. (1857)]

(123) **Хотя** признать вину, можно далеко пойти [Из телефонного разговора]

Развитие у деепричастного образования *хотя* собственного значения сопровождается полной утратой его синтаксических свойств: как конституирующих синтаксических свойств глагола (например, аргументной структуры), так и синтаксических свойств деепричастия (например, кореферентность, функция обстоятельства). В результате такой депарадигматизации в сопровождении утраты синтаксических свойств деепричастие *хотя* оформляется в самостоятельную лексему и относится к категории союза⁴¹. Выступая в предложении в функции союза, деепричастие *хотя* выражает характер уступительной связи между предикациями.

3. Обобщение: корреляция отклонений на разных уровнях

Итак, мы рассмотрели деепричастия, проявляющие нестандартные лексико-семантические свойства. Выяснилось, что данные деепричастия, являясь отклонениями на уровне лексической семантики и подвергающиеся депарадигматизации, проявляют себя как отклонения на прочих языковых уровнях. Так, все рассмотренные деепричастия нестандартны синтаксически (например, *отступя, играючи, хотя*), некоторые нестандартны притом и морфологически (например, *играючи*) или акцентно (например, *судя*) или орфографически (например, *несмотря*). Было показано, что при проявлении лексико-семантических и синтаксических отклонений (притом первое возможно лишь при наличии второго) деепричастия проявляют свойства других категорий: таких как наречие, предлог и союз. Так, можно говорить о полной корреляции лексико-семантических отклонений с синтаксическими (которые также влекут за собой категориальные) и частично – с морфологическими, акцентными и орфографическими. Классы отклонений, условно выделенные в настоящем разделе, а именно высокая, средняя и низкая степень связи с глагольной лексемой-родителем не имеют корреляции с отклонениями на прочих языковых уровнях; как мы только что видели, деепричастные образования, рассмотренные во всех трех классах, могут проявлять те или иные отклонения на различных языковых уровнях.

Таким образом, можно говорить, что всякое лексически нестандартное деепричастное образование обязательно нестандартно синтаксически, а также что отдельные лексически нестандартные деепричастия проявляют отклонения на прочих языковых уровнях.

⁴¹ Такой категориальный переход можно рассматривать как грамматикализацию, то есть усиление грамматичности языковой единицы, ср. определение грамматикализации в [Плунгян 2001; Майсак 2005: 37-39].

Во всех случаях лексическо-семантических отклонений мы наблюдали синтаксическую и категориальную нестандартность деепричастий.

Для наглядности представим только что выявленные корреляции в виде таблицы. В самом левом столбце располагается ряд категориально нестандартных деепричастных образований. В столбцах отражены языковые уровни, на которых мы наблюдали отклонения. Знаком «+» обозначены те ячейки, где наблюдаются отклонения и на категориальном и на каком-либо другом уровне. Отметим, что уровень синтаксиса представлен двумя столбцами: как мы видели, вместе с категориальными свойствами могут проявляться синтаксические отклонения как от конституирующих свойств глагола, так и от свойства ко-референтности, которым обладает деепричастие. Соответственно, если ячейка в поле таблицы не содержит знака «+», это означает, что на соответствующем уровне деепричастное образование стандартно.

	морфология	синтаксис		лексическая семантика	акцентуация	орфография
		глагола	деепричастия			
исходя, включая, учитывая			+	+		
любя, шутя, благодаря, начиная, смотря, хотя		+	+	+		
лежа, сидя, стоя, молча		+	+	+	+	
нехотя		+	+	+	+	+
невзирая, несмотря		+	+	+		+
отступя, играючи, умеючи, отродясь	+	+	+	+		

Таблица 4: Корреляция отклонений на категориальном и прочих уровнях

Как видно, классы категориально нестандартных деепричастных образований, с которых начинается каждая строка, представляют собой классы эквивалентности по набору корреляций с отклонениями на прочих языковых уровнях (это отражено тем, что в таблице нет строк с одинаковым распределением знаков «+»).

Наша таблица отражает тот факт, что всякое категориальное отклонение связано с отклонениями на прочих языковых уровнях. Видно, что всякая категориально нестандартная деепричастная форма нестандартна синтаксически (притом всегда с точки зрения ко-референтности) и лексико-семантически (отметим, что в таблице не отражены классы лексико-семантической нестандартности по степени связи с глагольной лексемой-родителем) остальные корреляции не носят универсальный характер.

Так, категориальное отклонение (в основном с последующим закреплением деепричастной формы в статусе лексемы) вызывается депарадигматизацией деепричастия. При этом происходит отклонение на лексико-семантическом уровне, что проявляется и на синтаксическом уровне. В некоторых случаях происходят и акцентные сдвиги; обнаруживаются и орфографически нестандартные деепричастия.

V Заключение

Итак, в данной работе проведено исследование категории русского деепричастия. Основное внимание было уделено морфологическому и синтаксическому уровням, также был затронут уровень лексической семантики и категориальный.

Были исследованы стандартные свойства русских деепричастий на указанных уровнях, а также отклонения от выявленных стандартных свойств.

Было показано, что стандарт на морфологическом уровне может быть представлен в виде пяти словообразовательных моделей, состоящей из строго определенной основы и строго определенного суффикса. Стандартные морфологические свойства деепричастий были представлены в виде таблицы. В плане отклонений от морфологического стандарта было выявлено одиннадцать классов на основании типа основы и присоединяемого суффикса.

В результате корпусного исследования выяснилось, что, глаголы несовершенного вида образуют нестандартные деепричастные формы с суффиксами *-учи/-ючи*, *-в* и *-вши*; глаголы совершенного вида образуют нестандартные деепричастия на *-а/-я*, все глаголы (для которых это возможно фонологически) образуют нестандартные формы на *-миш*.

Также при обработке статистических данных было выяснено, что стандартные формы от основ глаголов совершенного вида на согласную и от основ на *-ну* выходят из употребления и в современном языке вытесняются нестандартными формами, в основном, на *-в* и *-вши*. Кроме того, не было выявлено ни одного нестандартного образования с суффиксом *-ши* (это наглядно отражено в графе отклонений, где нет ни одной стрелки, направленной к данной модели), что свидетельствует о выходе из употребления данного суффикса как такового.

При изучении синтаксических свойств деепричастий были получены следующие результаты: деепричастие обладает свойством кореферентности с субъектом действия, выраженного глагольной формой, которое оно определяет. Притом подлежащее при деепричастии не может иметь фонетического выражения, а субъект главного действия в стандартном случае может быть выражен, во-первых, эксплицитно – единицами в именительном или дательном падеже (последнее – при инфинитиве), во-вторых, имплицитно: эллидированной именной группой или нулевыми элементами, такими как анафорическое

местоимение (pro), в частности с обобщенно-личной семантикой; подлежащее при нефинитных формах глагола (PRO); Ø_{люди}; Ø_{стихии}. Отметим, что все перечисленные способы выражения субъекта главного действия являются также грамматическими субъектами своих клауз, или подлежащими.

В отношении прочих синтаксических свойств было выяснено, что деепричастие может сочетаться с финитными и нефинитными глагольными формами; последние представлены списком из инфинитива, причастия, деепричастия. Последние два типа обладают низкой частотностью по причине возникновения неоднозначности при установлении референции (сочетания деепричастия с причастием) и появления нехарактерной для русского языка тернарной оппозиции по признаку второстепенности (сочетания деепричастия с деепричастием). Также деепричастие может сочетаться с (как правило) отглагольными существительными: такие сочетания редки и ограничены. В плане ограничений на данный вид сочетаемости были выдвинуты предположения о том, что значимыми факторами являются видовые свойства глагола, регулярность модели образования отглагольного существительного (и в связи с этим наличия у существительного аргументной структуры), стативная vs. динамическая семантика деепричастий. Данный вопрос подлежит дальнейшему подробному изучению.

В плане синтаксической функции в предложении деепричастие может являться обстоятельством или входить в состав сказуемого.

Наконец, в плане семантики таксиса, деепричастия совершенного вида могут выражать значения предшествования или следования по отношению к главному действию; деепричастия несовершенного вида могут выражать значение одновременности двух действий.

В результате исследования отклонений от стандартного свойства кореферентности выяснилось, что подлежащее при деепричастии может состоять в отношении кореферентности с функциональным подлежащим, которое может быть выражено единицами в дательном падеже, в родительном падеже с предлогом у, в винительном падеже (при всех перечисленных выражениях субъект экспериенциальный), в творительном падеже (как правило, не имеющем фонетического выражения) с ролью агенса. Также было показано, что ограничение на присоединение деепричастного оборота при пассивном залоге в главенствующей предикации может не соблюдаться. Кроме того, обнаружались случаи нестандартной кореферентности субъекту имплицитной главенствующей предикации типа *я считаю/я полагаю/я констатирую* в сочетании с деепричастными оборотами вводного

характера типа *грубо говоря* и предложного характера с единицами *учитывая, включая* и т.п. Все перечисленные субъекты, нестандартные с точки зрения свойства кореферентности, обладают следующими особенностями: их семантическую роль можно обозначить через гиперроль принципала, а в коммуникативном плане они обладают заметно высоким рангом.

Изучение деепричастий на лексико-семантическом и категориальном уровнях дало следующие результаты: в стандартном случае деепричастие относится к парадигме глагола и обладает конституирующими признаками данной категории, также оно обладает лексическим значением, присущим соответствующей глагольной лексеме. В плане лексико-семантических отклонений было выделено три класса по степени связи с глагольной лексемой-родителем (выделение классов здесь достаточно интуитивно и условно). Высокой степенью связи обладают такие деепричастные образования как *исключая* (предлог), *лежа, молча* (наречия); средней степенью обладают такие деепричастные образования, как, например, наречия *шутя, любя, играючи*; низкая степень связи наблюдается у наречия *зря* и союза *хотя*. Как видно из приведенных примеров, всякий случай лексико-семантической нестандартности связан также с категориальными отклонениями: фактически категориальная нестандартность представляет собой совокупность лексико-семантических и синтаксических отклонений. Категориальные отклонения ведут к приобретению бывшей деепричастной словоформой статуса лексемы (наречия, предлога или союза).

В плане корреляций отклонений на привлеченных к анализу уровнях языка можно сделать следующее обобщение: наблюдается полная корреляция лексико-семантических и синтаксических отклонений, притом у всех наблюдается подробно изученное нами нестандартное свойство кореферентности. Обнаруживаются также категориально нестандартные деепричастия, проявляющие отклонения на уровне ударения (*ст□я, м□лча*) и/или на уровне орфографии (*несмотря, невзирая, нёхотя*). Существуют случаи проявления лексемой деепричастной природы нестандартных морфологических свойств: *иргаючи, отступя*.

Вне множества категориальных отклонений наблюдается пересечение морфологических и синтаксических отклонений: таковы случаи вида *увидя это, мне подумалось...*, где выступает морфологически нестандартное деепричастие *увидя* (стандартный вариант – *увидев*) при нестандартной кореферентности (субъект в дательном падеже). Такие пересе-

чения носят окказиональный характер и в данном случае невозможно говорить об их корреляции.

Итак, настоящая работа представляет собой попытку систематического и исчерпывающего описания категории деепричастия в русском языке. В нашем исследовании были выявлены стандартные свойства деепричастий на заявленных уровнях анализа, а также отклонения от них. Разумеется, категория деепричастия нуждается в дальнейшем изучении: необходимо преумножить данные статистического и диахронического характера, привлечь к анализу регистровый фактор и дифференцировать материал по критерию устная/письменная речь. Тем не менее, в данной работе заложена база для дальнейшего исследования категории деепричастия и введен аналитический аппарат, позволяющий продолжать исследование не только интенсивно, но и экстенсивно.

Библиография

Абдулхакова 2007 – Абдулхакова Л. Р. *Развитие категории деепричастия в русском языке*. Казань, 2007

Бондарко, Акимова, Козинцева, 2001 – Бондарко А. В., Акимова Т. Г., Козинцева Н. А. *Аспектуально-таксисные ситуации* // Бондарко А. В. (ред.) *Теория функциональной грамматики. Введение, аспектуальность. Временная локализованность. Таксис*. М., 2001.

Булыгина, Шмелев 1990 – Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. *Синтаксические нули и их референциальные свойства* // Храковский (ред.). 1990.

Вайс 1999 – Вайс Д. *Об одном предлоге, сделавшем блестящую карьеру* // Тестелец Я. Г., Рахилина Е. В. (ред.) *Типология и теория языка: от описания к объяснению* (К 60-летию А. Е. Кибрика). М., 1999

Виноградов 1947/1986 – Виноградов В. В. *Русский язык. Грамматическое учение о слове*. М., 1986

Грамматика-60 – *Грамматика русского языка*. М., 1960

Грамматика-80 – *Русская грамматика*. М., 1980

Е.Добрушина 2009 – Добрушина Е. Р. *Видев и увидя: жизнь и смерть нестандартных деепричастий* // *Корпусные исследования по русской грамматике*. Под ред. Киселёвой К.Л. М., 2009

Зализняк 2002 – Зализняк А. А. *Русское именное словоизменение*. М., 2002

Зализняк 1977 – Зализняк А. А. *Грамматический словарь русского языка*. М., 1977

Земская 1996 – Земская Е. А. (ред.) *Русский язык конца XX столетия (1985–1995)*. М., 1996.

Золотова 1974 – Золотова Г. А. *О характере нормы в синтаксисе* // *Синтаксис и норма*. М., 1974.

Золотова 1982 – Золотова Г. А. *Коммуникативные аспекты русского синтаксиса*. М., 1982

Исаченко 1954/2003 – Исаченко А. В. *Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким*. М., 2003

Ицкович 1982 – Ицкович В. А. *Очерки синтаксической нормы*. М., 1982

Кибрик 1992 – Кибрик А. Е. *Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания*. М., 1992

Кибрик 2005 – Кибрик А. Е. *Константы и переменные языка*. Спб., 2005

Кинэн 1982 – Кинэн Э. *К универсальному определению подлежащего* // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. XI. М., 1982.

Кронгауз 2001 – Кронгауз М. А. *Семантика*. М., 2001

- Козинцева 1990 – Козинцева Н. А. *Деепричастие* // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990
- Майсак 2005 – Майсак Т. А. *Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции*. М., 2005.
- Мельчук 1974 – Мельчук И. А. *О синтаксическом нуле* // Типология пассивных конструкций, диатезы и залого. Л., 1974
- Мельчук 1995 – Мельчук И. А. *Русский язык в модели «Смысл↔текст»*. Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 39, Wien, 1995.
- Недялков 1990 – Недялков В. П. *Основные типы деепричастий* // Типология и грамматика. В.С.Храковский (отв. ред.), М., 1990
- Обнорский 1953/2009 – Обнорский С. П. *Очерки по морфологии русского глагола*. М., 2009
- Падучева 1985 – Падучева Е. В. *Денотативный статус именных групп и пропозиций* // Высказывание и его соотношенность с действительностью. М., 1985
- Пешковский 1956 – Пешковский А. М. *Русский синтаксис в научном освещении*. М., 1956
- Плунгян 2001 – Плунгян В. А. *Грамматикализация* // Электронная энциклопедия «Кругосвет», 2001.
- Плунгян 2003 – Плунгян В. А. *Общая морфология: введение в проблематику*. М., 2003
- Плунгян 2008 – Плунгян В. А. *Корпус как инструмент и как идеология: о некоторых уроках современной корпусной лингвистики* // Русский язык в научном освещении. №2 (16). М., 2008.
- Подобряев 2008 – Подобряев А. В. *Подлежащее при номинализациях в русском языке* // Исследования по глагольной деривации В.А.Плунгян, С.Г.Татевосов (ред.). М., 2008.
- Тестелец 2001 – Тестелец Я. Г. *Введение в общий синтаксис*. М., 2001
- Тестелец 2002 – Тестелец Я. Г. *Еще раз о категории «подлежащее» в русском языке* // Языки мира. Типология. Уралистика. М., 2002.
- Розенталь 1996/2003 – Розенталь Д. Э. *Русский язык*. М., 2003
- Русский язык 2004 – Багрянцева В. А., Большчева Е. М., Галактионова И. В., Жданова Л. А., Литневская Е. И., Степанова Е. Б. *Русский язык*. М., 2004
- Ушаков 1935 – *Толковый словарь русского языка*. Под ред. Ушакова Д. Н. М., 1935-1940 (электронная версия)
- Чупашева 2008 – Чупашева О. М. *Грамматика русского деепричастия*. Мурманск, 2008
- Шахматов 1941 – Шахматов А. А. *Синтаксис русского языка*. М., 1941

Шмелева 1984 – Шмелева Т. В. *Деепричастие на службе у модуса // Системный анализ значимых единиц русского языка. Синтаксические структуры.* Красноярск, 1984

Якобсон 1972 – Якобсон Р. О. *Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя.* М., 1972

Babby 1998 – Babby L. *Subject control as direct predication: evidence from Russian //* Boškovič Z., Franks S., Snyder W. (eds.) Michigan Slavic publications, 1998

Babby, Franks 1998 – Leonard Babby, Steven Franks. *The Syntax of Adverbial Particles in Russian Revisited // The Slavic and East European Journal, Vol. 42, No. 3 (Autumn 1998)*

Haspelmath 1995 – Martin Haspelmath. *The converb as a cross-linguistically valid category //* Haspelmath M., König E. (eds.) *Converbs in cross-linguistic perspective.* Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 1995. pp. 1-55

Kazenin, Testelets 2004 - Kazenin, Konstantin I. and Testelets, Yakov G. *Where Coordination meets Subordination. Converb Constructions in Tsakhur (Daghestanian) //* Haspelmath M. (ed.), *Coordinating Constructions (Typological Studies in Language 58).* Amst./Phil.: John Benjamins Publishing Company. 2004. 227-239.

Moore, Perlmutter 2000 – John Moore, David M. Perlmutter. *What does it take to be a dative subject // Natural Language & Linguistic Theory, Vol. 18, No. 2 (May 2000).* pp. 373-416